ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ РАН

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ПРИКЛАДНОЙ И НЕОТЛОЖНОЙ ЭТНОЛОГИИ

№ 241

М.Н. ГУБОГЛО

СИМБИОЗ ЭТНИЧЕСКОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XX – НАЧАЛО XXI ВВ.)

Москва

2015

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ РАН

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ПРИКЛАДНОЙ И
НЕОТЛОЖНОЙ ЭТНОЛОГИИ
№ 241

М.Н. Губогло

СИМБИОЗ ЭТНИЧЕСКОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Работа подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 14-01-00372а «Двуязычие как социальная реальность. Теория и практика языковой жизни Российской нации»

Москва
ИЭА РАН
2015

ББК 323.1+81'27(478.9)
УДК 66,5(4Мол)

Серия:
Исследования по прикладной и неотложной этнологии
(издается с 1990 г.)

Редколлегия:
академик РАН В.А. Тишков (отв. ред.),
к.и.н. Н.А. Лопуленко,
д.и.н. М.Ю. Мартынова.

Материалы серии отражают точку зрения авторов
и могут не совпадать с позицией редакционной группы.
При использовании ссылка на материалы обязательна.

Г-93 Губогло М.Н.
Симбиоз этнической и региональной идентичности / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – М., ИЭА РАН, 2015. – Вып. 241. – 79 с.

ISBN 978-5-4211-0130-7

В работе предлагается оригинальное понимание этнорегиональной идентичности как потенциальной возможности справедливого самоопределения с целью сохранения самобытности. Упорное сопротивление принудительной ассимиляции, преодоление этноисторических травм, замалчивание фрагментов этнической истории, форсированное становление управленческой, научной и художественной элиты, всенародное волеизъявление (на референдуме о самоопределении) обеспечивают правовые основы и условия малочисленному народу или группе населения для автономного нациестроительства.

© ИЭА РАН – 2015 г.
© М.Н. Губогло – 2015 г.

Михаил Губогло

Симбиоз этнической и региональной идентичности

Resume

THE SYMBIOSES OF ETHNIC AND REGIONAL IDENTITY

This Original (distinctive) understanding of ethnoregional identity as potential possibility of equitable self-determination to preserve originality is proposed in the paper. The stubborn resistance to forced assimilation, overcoming of ethnohistorical traumas, silencing (understatement) of fragments of ethnic history, forced establishment of administrative, scientific and artistic elite, national will (referendum on self-determination), provide legal framework and conditions to small people or population group for autonomous nation-building.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая. Этнорегиональная идентичность как текст .....

Самоопределение региональной идентичности 4
Прорыв в решении «квадратуры круга» 8
Подходы к изучению этнорегиональной идентичности 10
Буджак: единый, хотя и разделённый 13
Референдум – правовая основа региональной идентичности 19
Языковая жизнь гагаузов и крымчан как смысловой текст 21
Компоненты традиционной культуры 25
Функции этнорегиональной идентичности 29
Выборы башкана 2015 как текст 36

Часть вторая. Этнорегиональная идентичность в русскоязычном пространстве Молдовы .....

Этнодемографическая и этноязыковая панорама 41
Сфера образования 44
СМИ: пропаганда румынизма и русофобии 50
Наука 54
Язык делопроизводства и госучреждений 56
Политика и практика русофобии 56
Заключение 61
Литература 66

Часть первая
ЭТНОРЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ТЕКСТ

Самоопределение региональной идентичности

Длительное замалчивание самостоятельности гагаузского народа, необоснованное включение его в состав того или иного более многочисленного этноса, отказ в выявлении и осмыслении важнейших этапов его этнической истории, породили убеждение в том, что движение к самоопределению и стремление к справедливости представляют собой фундаментальные ценности в деле конструирования государственности ради сохранения самобытности. Все сферы совместной жизни молдавского и гагаузского народов – экономическая, политико-правовая, социокультурная и этнопсихологическая, имеют одну логику развития, т.к. объединены центральной идеей совместного существования – которая гарантируется социальной справедливостью.

Трагические события на берегах Днестра в пору самоопределения Молдавии и выхода её из состава Советского Союза, гражданская война на Юго-Востоке Украины, воссоединение Крыма с Россией в марте 2014 г., парад европейских референдумов о самоопределении – показали огромную общественно-политическую и конституционно-правовую значимость проблемы самоопределения. Магнетизирующее слово «самоопределение», ассоциированное с гордым и обнадеживающим принципом справедливости согласованно укрепляют чувство достоинства и стремление к свободе. Итоги референдума в Гагаузии 02.02.2014, выборов в парламент Республики Молдова 30.11.2014 и выборов башкана Гагаузии 22.03.2015 показали мировой общественности продуктивную электоральную зрелость населения Гагаузии и вместе с тем высокий уровень духовного подъёма народа. При этом особое впечатление на европейское сообщество произвела социальная и правовая чувствительность избирателей автономного образования к принципу справедливости, заложенному в основу стратегии и тактики самоопределения.

Гагаузское понимание самоопределения вызвано этнократическим проектом молдавского нациестроительства, в котором требования справедливости звучат из уст национальных меньшинств, в отличие от России, где определённые группы людей добиваются справедливости в отношении русских, составляющих большинство населения. Однако и в этом и в другом случае внимание к проблеме справедливости самоопределения обостряется, когда общество вступает в полосу трансформационных процессов, когда рушится сложившийся социальный порядок.

Согласимся с анонимным автором, считающим, что справедливость это – «один из фундаментальных принципов, регулирующих взаимоотношения между людьми на основе представлений о должном, о сущности человека и его правах. С её помощью осуществляется распределение и перераспределение всевозможных социальных ценностей в соответствии с выбранными критериями. Их несоблюдение рассматривается как несправедливость»[1]

Из множества конкурирующих традиций понимания смысла справедливости приведу наиболее краткий перечень основных парадигм, охватывающих консенсусное понимание этого феномена, полагаясь на мнение специалиста по современным теориям справедливости, профессора Б. Кашникова. «В соответствии с распределительной парадигмой основные проблемы социальной справедливости сводятся к распределению основных социальных благ»[2].

Неприятие концепций, связанных с этой парадигмой, сегодня является одной из причин кризиса в украинском и молдавском нациестроительстве, политические лидеры которых никак не могут «распределить» полномочия между органами центральной и региональной власти.

Эта же проблема стояла в острой форме перед Российской Федерацией в пору, когда Центр, республики и остальные субъекты федерации с большим трудом согласовывали полномочия федеральных и региональных органов власти[3].

«Более древняя воздающая парадигма связывает проблемы справедливости с воздаянием. Справедливость есть там, где каждый получает своё». Ещё в одной меновой парадигме «речь идёт о справедливости по типу простого и свободного обмена». Указанные традиции конкурируют между собой, но господствующей является распределительная парадигма, тесно связанная с либеральной идеологией[4].

Тяга к справедливости у гагаузов и болгар имеет давнюю традицию. С особой силой она проявлялась на разных этапах их более чем двухсотлетней истории, в том числе в период совместного сопротивления исламизации, в ходе переселения в Буджак и Новороссию под крыло российского двуглавого орла, в упорном отстаивании своих законных прав и свобод в 1861 г., когда их восстание в Болграде было подавлено регулярными войсковыми подразделениями. Вместе с молдаванами и представителями других народов они принимали участие в Татарбунарском вооруженном крестьянском восстании в Южной Бессарабии против румынских властей 15–18 сентября 1924 г.

Упорное сопротивление принудительной дегагаузизации и деболгаризации породило у родственных народов энергию сохранения этнической, формирования и развития региональной идентичности. Между тем каждая их них, особенно региональная идентичность до сих пор не стали предметом этносоциоло-

гического исследования и специальной антропологической концептуализации. Исключение составляет, пожалуй, только несколько новаторских статей известного этнографа Д.Е. Никогло, две из которых опубликованы соответственно в 3 и 10 томах серии «Курсом развивающейся Молдовы» и посвящены анализу восприятия Буджака, как малой родины в творчестве С.С. Курогло и других гагаузских и болгарских поэтов[5].

Перед политической элитой, одной из самых молодых среди европейских стран, и перед научным и художественным сообществом Гагаузии стоит важная задача превращения этнорегиональной идентичности в доктринальную и материальную силу гагаузского нациестроительства.

В относительно продвинутой историографии разработок по отдельным сферам гагаузской и болгарской традиционной культуры, созданных по лекалам классика отечественного гагаузоведения В.А. Мошкова, а также в новейших изданиях фрагментов истории, в т.ч. этнополитической, вряд ли можно встретить что-либо подобное трактату о «самоопределении» или манифесту, призывающим к соблюдению «справедливости». Хотя на российско-молдавских конференциях и симпозиумах, на трёх Всемирных конгрессах гагаузов неоднократно проявлялась озабоченность участников из-за отсутствия рефлексий по поводу каждого из этих понятий.

Пожалуй, только в докладах и выступлениях бывшего башкана Гагаузии М.М. Формузала о состоянии и социодинамике этнополитической ситуации в Гагаузии, в его последовательной борьбе с несправедливым обвинением Гагаузии в сепаратизме, в трудах новоизбранного башкана И.Ф. Влах, в томах серийного издания «Курсом развивающейся Молдовы», а также в кандидатских диссертациях членов исполкома Гагаузии П.М. Пашалы и А.Г. Няговой, посвящённых неправительственным организациям как росткам демократических институтов, можно обнаружить туманную надежду на такие тренды гагаузского нациестроительства, в ходе которых будет достигнуто гармоническое единство понимания самоопределения и справедливости[6].

Понятно, что без взаимопонимания между элитами Комрата и Кишинёва вряд ли станут возможными продуктивный диалог и взаимное доверие, когда народное знание и профессиональное конструирование условий и форм самоопределения при реализации принципа подлинной справедливости, будут соответствовать теории и практике.

Обсуждение этнической и региональной идентичности гагаузов, в которых коренится интенция и энергия достижения справедливости, является залогом утверждения гагаузов как молодой, развивающейся нации, уверенно шагнувшей на сцену европейской политической жизни. Задача состоит не только в

этносоциологическом осмыслении, но и в политическом измерении основ самоопределения и справедливости.

Обе указанные идентичности гагаузов – этническая и региональная – служат краеугольным камнем в становлении молдавской гражданской идентичности, обогащают и окрашивают дополнительной краской молдавское нациестроительство гагаузским опытом, представляя содружество одной нации в симбиозе с более крупной по численности молдавской гражданской нацией. Предлагаемый в данной работе «дискурс самоопределения и справедливости», вынесенный в название статьи, является продолжением моих рассуждений о сфере этногосударственных отношений в изданной ранее книге «Может ли двуглавый орёл летать с одним крылом? Размышления о законотворчестве в сфере этногосударственных отношений» (М., 2000), а также в двух недавних книгах, посвящённых проблемам самоопределения на принципах доверительности и справедливости по итогам референдумов в Гагаузии и в Крыму[7].

При таком понимании общественной значимости региональной и этнической идентичности как локомотива самоопределения народа от государственных структур требуется деятельное участие в этноправовом и этнокультурном воспитании своих граждан и их активное участие в нациестроительстве. Активное этнополитическое участие граждан, постоянное расширение и приумножение социального капитала[8] является необходимым условием, опираясь на который, элита может катализировать консолидацию нации с целью улучшения качества и продолжительности жизни.

Усилия и доктринальные установки современных инженеров молдавского и украинского нациестроительства по реализации унитарной государственности, а точнее этнократического проекта, хотя и выглядят вполне цивилизованными в глазах международного сообщества, на самом деле представляют серьёзную опасность для климата межэтнических отношений, привнося в них элементы турбулентности, непредсказуемости и конфликтности. Вряд ли унитаризм является благом для многоэтничного общества, в котором трудно добиться того, как говорят англичане, чтобы петух был одновременно и живым, и жареным.

«Если будем сохранять консолидацию общества, – говорил Президент России В.В. Путин, обращаясь к россиянам на тринадцатой по счету «Прямой линии», – нам никакие угрозы не страшны». В полной мере башкан Гагаузии И.Ф. Влах могла бы адресовать этот посыл жителям Гагаузии – носителям региональной идентичности.

Прорыв в решении «квадратуры круга»

Всего лишь полтора–два десятилетия тому назад формула «квадратуры круга», раскрывающая несовместимость права на самоопределение с сохранением территориальной целостности государства, казалась неразрешимой[9]. Убеждённым сторонникам кризиса самоопределения, сложившегося из нереализованных призывов к отделению тех или иных регионов Российской Федерации, и подпитываемого энергией национальных движений «за признание соответствующих групп населения в качестве самостоятельных этносов», выступал известный отечественный этнолог С.В. Чешко[10].

В обосновании своей позиции С.В. Чешко в первые годы нового века исходил из того, что «попытки формализации принципа самоопределения не дали до сих пор достаточно ощутимых результатов» из-за сложности теоретического и практического решения вопроса о самоопределении групп населения, проживающих в рамках уже сложившихся государств[11].

При этом исследователь поставил ряд труднейших вопросов, на которые до сих пор никто не нашёл достойного ответа или приемлемого решения. Вдумаемся в эти вопросы: «В чём суть права на самоопределение; кто и кем может быть признан его обладателем; как оно должно рассматриваться в контексте соотношения индивидуальных и коллективных прав; каковы механизмы осуществления права на самоопределение; где это право должно заканчиваться, чем и кем ограничиваться; приоритет национального или международного права должен действовать при реализации принципа самоопределения?»[12].

Добавим к перечисленным вопросам крайне неустойчивое состояние баланса между конкурирующими друг с другом принципами: правом народа на самоопределение и необходимостью сохранения территориальной целостности государства. Чем на большую самостоятельность претендуют адепты самоопределения, тем менее устойчивой представляется сохранность территориальной целостности государства.

Стремление к самоопределению, представляющееся гагаузам справедливым, политической элите Кишинёва кажется несправедливым, заслуживающим обвинения в сепаратизме и антипатриотизме. Гагаузам, напротив, думается, что негативное отношение кишинёвского режима к самоопределению является продуктом несправедливости. На самом деле обе стороны более всего опасаются сесть за стол переговоров и, доверившись доверию, совместно обсудить, что такое справедливость и несправедливость в желании народа быть свободным в своём выборе модели жизнеустройства.

Полтора десятилетия тому назад С.В. Чешко, во-первых, был уверен в том, что «индивидуальные права и свободный индивидуальный выбор лучше

всего обеспечивают и возможность коллективного самоопределения, во-вторых, солидаризировался с позицией В.А.Тишкова, призывавшего «искать оптимальные варианты сочетания индивидуальных и групповых прав»[13].

Прежде чем приступить к анализу региональной и этнорегиональной идентичности, как катализаторов устремлений к самоопределению на новом этапе, т.е. в середине второго десятилетия нового тысячелетия, отметим главное в позиции В.А. Тишкова и С.В. Чешко. Оно состоит в признании каждым из них группового права наряду с индивидуальными правами и свободами человека. Ещё одна предварительная оговорка вызвана утверждением С.В. Чешко о том, что «для организации общества, отношений между людьми важны не антропосоциогенетические концепции, а общественно-политические тенденции, идеологические принципы, правовые нормы, соответствующие данной эпохе»[14].

Хотя «ссылка на авторитет не есть доказательство», как гласит одно из золотых правил логики, всё же перед тем как излагать объективные основания и функции, исполняемые региональной идентичностью русскоязычных крымчан и этнорегиональной идентичностью двуязычных гагаузов, напомню высказывание Президента России В.В. Путина в его исторической речи по присоединению Крыма и Севастополя к России. В ходе визита в Крым он, в частности, призвал мировое сообщество признавать право народов на самоопределение. Обращаясь к своим западным оппонентам, он подчеркнул: «Мы с уважением относимся ко всем странам и ко всем народам, уважаем их законные права и интересы, но просим, чтобы все так же относились и к нашим законным интересам, включая восстановление исторической справедливости и права на самоопределение»[15].

Не оспаривая «принципы территориальной целостности государства», как сказал постоянный представитель России при ООН Виталий Чуркин на заседании СБ ООН, российское руководство считает, что «реализация права на самоопределение в виде отделения от существующего государства – это неординарная мера, применяемая тогда, когда дальнейшее совместное существование в рамках одного государства становится невозможным»[16].

Принципиальное отличие реализации права на самоопределение на референдумах в Крыму и в Гагаузии состоит в том, что в первом случае на основе волеизъявления крымчан полуостров Крым перешёл в состав России, нарушив тем самым территориальную целостность Украины. Доктринальная цель гагаузского референдума, напротив, состояла в сбережении Республики Молдова и её территориальной целостности. При этом никоим образом не преследовались сепаратистские цели. Жители Гагаузии на референдуме 02.02.14, единодушно отдав голоса за самоопределение и вхождение в Таможенный Союз, обнародовали

свою волю, позицию и право на выход из состава Республики Молдова в том случае, если она потеряет свой суверенитет.

Анализ доктринальных установок на самоопределение Гагаузии, в том числе на референдуме 02.02.2014, озвученных в выступлениях и публикациях башкана Гагаузии М.М. Формузала и директора НИЦ им. М.В. Маруневич П.М. Пашалы, обозначенных в ходе митингов, уличных шествий, круглых столов и научно-практических конференций, даёт основание считать, что этническая и региональная идентичности гагаузов– это глубоко взаимосвязанные компоненты их ментальности – важные части их социальной жизни. Не ставя перед собой специальной задачи по автономному анализу каждой из упомянутых идентичностей, позволим себе назвать их единым термином – этнорегиональной идентичностью. Она представляет собой идеологически и психологически осмысленный коструктт, обязанный своим происхождением продуктивному диалогу, взаимодействию людей и материализованному в предметной и символической формах.

Выносимые ниже положения об основаниях, функциях и социальной значимости этнорегиональной идентичности основаны на понимании взаимосвязи их с этнокультурными традициями населения Гагаузии и прежде всего – с этнической культурой. Её элементы представляют: «конкретные памятники материальной культуры (ремесла, постройки, орудия труда, средства передвижения, одежда, пища), а также язык, традиции, виды народного искусства, система ценностей, обычаи, обряды, мифологические представления и ритуалы, жесты, мимика и т.п.» При этом «текст» традиционной этнической культуры как «вторичная смысловая реальность живет по своим законам и предстает как минимум 2-х уровневым образованием: семиотическим объектом и исторически эволюционизирующим смыслопорождающим феноменом, интерпретация которого используется этнической элитой в современных культурных практиках»[17].

Подходы к изучению этнорегиональной идентичности

Начало нового III-го тысячелетия ознаменовалось нарастающим интересом к референдумам за самоопределение, в т.ч. на основе региональной идентичности. Газетные и журнальные страницы запестрели заголовками о европейском параде референдумов. На кону стояли вопросы о соотношении между этничностью и государственностью. Под влиянием одновременного роста этнической и региональной идентичности зашатались некоторые устои государственности. Под угрозой оказалась целостность ряда европейских государств, и прежде всего молодых новообразований, добившихся суверенитета после развала Со-

ветского Союза. Возникли соблазны пересмотра казалось бы нерешаемой «квадратуры круга» – за счёт приоритетной реализации права народа или отдельной его части на самоопределение порой в ущерб сохранению территориальной целостности государства.

Наша цель представить и осмыслить объективные основы и субъективные факторы региональной идентичности на примере населения Гагаузии и Крыма, как устойчивой формы коллективной идентичности, убедительно проявленной едва ли не на всенародном уровне в череде общественных акций, в том числе в результате референдумов 02.02.2014 и 16.03.2014 соответственно в Гагаузии и в Крыму. Не случайно при анализе современных межэтнических отношений в этнологии и социальной антропологии стали встречаться понятия и термины, связанные с различными формами и способами идентификации, в т.ч. с сочетанием или смещениями из одной в другую, например, из этнической в региональную[18].

При этом меньше всего уделено внимания тем случаям, когда две идентичности – этническая и региональная, объединив свою энергетику, проявляют в интенции или наяву стремление и готовность к самоопределению, вплоть до выхода из страны проживания. Перечислю вкратце опыт Косово, Абхазии, Южной Осетии, Крыма, Гагаузии. При этом едва ли не классической моделью бытия региональной идентичности служит пример триединой в этническом плане региональной идентичности Приднестровья. В первом приближении региональную идентичность можно определить как соотнесение людей с определённой местностью, традициями и сложившимся на ней укладом повседневной жизни. По меткому определению известного географа М. Крылова региональная идентичность отвечает на вопрос «кто мы?» и представляет как бы «совокупность культурных отношений, связанных с понятием «Малая родина»[19].

Повышенный интерес к региональной идентичности подтверждается и тем, что в разработку этой темы наряду с этнологами, географами, экономистами и этносоциологами подключаются историки и философы широкого профиля. Обнаруживается, однако, что взгляд «со стороны», без глубокого проникновения в историю и практику интерпретаций проблем этногенеза, фрагментов этнической истории, реальных артефактов и ментифактов этнической культуры, как в её реальном, так и в символическом проявлении, приводит к историографическим конфузам.

Так, например, в интернете встречаются публикации, когда на основе абстрактных рассуждений о региональной идентичности делаются попытки определить её социодинамику, этимологическое содержание, в т.ч., выделяя её структурные и функциональные компоненты, некоторые авторы претендуют при этом на роль первооткрывателей. В частности, традиционно и справедливо вы-

деляются такие компоненты региональной идентичности, как: 1) когнитивный, представляющий собой «систему знаний представителей региона о собственной региональной общности, о занимаемой геокультурной реальности (особенностях территории, ландшафта, языка, традициях, истории и т.п.), свойствах и особенностях региона»; 2) ценностной, в которой выделяются аналитический конструкт и 3) географический, связанный с идентификацией носителей региональной идентичности с определённым местом проживания; 4) исторический, тесно связанный с восприятием времени, кодификацией и толкованием этнокультурного прошлого, в т.ч. с попытками максимально удревнить своё прошлое; 5) так называемый повседневнический, обнаруживаемый в процессе повседневного бытования, как определённого «репертуара» обыденных, ежедневных практик; 6) немаловажной составляющей региональной идентичности представляет её эмоциональный компонент, включающий в себя стереотипы и правила из «грамматики жизни», и прежде «диктатуру» общественного мнения, т.е. формы реагирования (оценки) жителями региона на конкретные речевые и деятельностные поведения, а также на проявления и манифестации «чувства места» или ощущение Малой Родины; 7) наконец, немалая роль в реализации региональной идентичности принадлежит регулятивному компоненту, благодаря которому и в соответствии с которым реализуются на практике в формальной и неформальной жизни векторы ориентирования в региональном пространстве[20].

Подробно отреферированная здесь часть текста, в котором компонентный подход выдаётся за новейшее слово в исследованиях региональной идентичности, понадобилась, чтобы напомнить, что на самом деле он успешно был разработан и уже реализован в этностатистических и этносоциологических исследованиях, проведённых в советские времена более трёх–четырёх десятилетий тому назад[21].

Компонентный подход для исследования этноязыковых процессов, этнической и языковой идентичности был, в частности, разработан в рамках широкомасштабного проекта «Оптимизация социокультурных условий развития и сближения наций в СССР», инициированного и проведённого под руководством основателя советской и российской этносоциологии Ю.В. Арутюняна[22].

Например, при изучении этноязыковых процессов его суть состояла, во-первых, в том, что языковая идентичность в системе языковой жизни человека фиксировалась на уровне знания им одного или нескольких языков (language competence) в масштабах и в частоте использования языка (языков) в речевом поведении (speech behavior) и через отношение к различным языкам (language attitude). Во-вторых, трёхкомпонентный подход охватывал важнейшие сферы официальной и неофициальной жизни, и, в-третьих, – увязывался с «экологией

языка», которая также представляла компоненты внешней истории (функциональной нагрузки) существования языка этнической общности.

На правах подсистемы в экологии языка были выделены следующие компоненты: 1) этнодемографическая база, т.е. население, характеризуемое по полу, возрасту, семейному положению, количеству детей и т.д. 2) этносоциальная база, представленная социальной структурой этноса; 3) этнокультурная база, отражающая уровень развития культуры; 4) сеть учреждений «языкового» и «этнического» обслуживания; 5) кадры, профессионально работающие над «языком», «при помощи языка» и «для языка»; 6) языковая политика[23].

Новейшие события этнополитической жизни в Европейских странах, в т.ч. в Крыму и Гагаузии, не лишённые драматизма и трагизма, выявили огромную мобилизующую, до поры до времени скрытную, но потенциальную энергию региональной идентичности, проявляемую синхронно и согласованно среди носителей разных этнических идентичностей. Уже приходилось изучать этот феномен на примере Приднестровья, где молдаване, русские и украинцы объединёнными усилиями сохраняют свои идентичности, в т.ч. этнические, благодаря устойчивой приверженности региональной идентичности.

Два года – 2014 и 2015 гг. – это всего лишь фрагмент в этнической истории гагаузов, в их мотивированном стремлении добиваться права на самоорганизацию и самоопределение. Однако три события – референдум 02.02.2014, парламентские выборы 30.11.2014 и избирательная кампания по выборам башкана Гагаузии 22.03.2015 выявили мотивацию поступков и деятельности не отдельного человека, и не отдельной группы людей, а всего населения Гагаузии. В основе пророссийской мотивации, устойчиво коренящейся в почти двухвековом пребывании в составе императорской России, Советского Союза, в постоянной подпитке и поддержке своего духовного наследия ценностями русскоязычия и русскокультурия, лежит энергия этнокультурного самосохранения. Логика этнической истории гагаузского народа заключается в том, что благодаря русскому языку, во второй половине XX в. состоялось форсированное приобщение к ценностям русской и мировой, в т.ч. политической и правовой культуры. В итоге сложился корпус этнической элиты, который взял в свои руки дело нациестроительства, построение своей государственности, пусть и в усеченной форме национально-территориального образования «Гагаузия – Гагауз-Ери».

Буджак: единый, хотя и разделенный

Важнейшей основой этнорегиональной идентичности гагаузов, болгар и представителей других национальностей Гагаузии, бесспорно, выступает Буд-

жак как географическая основа и как среда обитания, воспетая в поэзии, прозе, в песнях, сказках и легендах гагаузов. Приведу пример из творческого наследия выдающегося гагаузского поэта С.С. Курогло[24].

«Буджак – судьба. Буджак – наш выбор,
Тебя мы любим с давних пор.
Ради тебя, ради тебя
Готов я в жертву принести себя»[25].

Приведённый отрывок имеет глубокий исторический и социологический смысл и представляется до сих пор неоценённым, с точки зрения истолкования сути региональной идентичности гагаузов в отличие от этнической и многих других идентичностей. Чтобы понять философию этого признания, её квинтэссенцию достаточно такого факта: наличие её у 150 тыс. жителей Гагаузии и отсутствие или в лучшем случае слабо выраженную форму у русского населения Республики Молдова. Слова поэта: «Буджак – наш выбор» – означает, что у гагаузов нигде в мире, кроме Буджака, нет ни территории как постоянного места своего проживания, ни этнического материка, к которому они могли бы прислониться или влиться в случае грозящей им ассимиляции и в ходе утраты этнической идентичности. Поэтому на референдуме 02.02.14 они проголосовали за самосохранение в составе молдавской государственности, что не даёт ни в коем случае повода для обвинения их в сепаратизме в случае исчезновения Республики Молдова как суверенного государства с политической карты мира. Гагаузы готовы на крайнюю меру – самоопределиться на основе своей региональной идентичности. Другого выбора у них нет. Русские Молдовы дисперсно проживающие в основном среди городского населения республики, во-первых, не воспринимают, подобно гагаузам, землю Молдовы той Малой Родиной, которая является для них единственным и постоянным местом проживания, во-вторых, у них благодаря этнической идентичности есть ощущение принадлежности к великому этническому материку в лице культурного наследия нынешней Российской Федерации.

Магнетизирующее влияние этнического материка оказывает двоякое влияние на самочувствие русских в Молдове. С одной стороны, русский язык и культура самым надёжным образом подпитывают гордость и ментальную сопричастность к великому достоянию русского народа. С другой стороны, этнический материк обесточивает и расхолаживает региональную идентичность русских в Молдавии тем, что оставляет за ними возможность выезда из страны в случае угрозы сохранности их этнической идентичности.

При таком подходе, сравнивая потенциал региональных идентичностей гагаузов и русских в Молдове, можно понять глубокие корни мотивации гагау-

зов строить по справедливости демократическое общество путём достижения права на групповое самоопределение.

Нерасторжимая преданность гагаузов и болгар многострадальному, единому, но разделенному Буджаку как земле обетованной, как месту постоянного компактного проживания и как основе региональной идентичности, известный гагаузский поэт, классик гагаузской профессиональной литературы С.С. Курогло, выражает словами, взятыми в качестве эпиграфа к данной теме: «Ради тебя, ради тебя, готов я в жертву принести себя». В типологически сходном ключе Расул Гамзатов выражает свою этническую идентичность клятвой родному аварскому языку: «И если завтра мой язык исчезнет, то я готов сегодня умереть»[26].

Гагаузский опыт региональной идентичности не подтверждает высказываемую в литературе несовместимость или, по крайней мере, некоторое несовпадение с другими идентичностями и, в первую очередь, – с этнической. Чем сильнее связь с этническим материком, как показывает опыт русского населения в Республике Молдова и болгар в Одесской области Украины, тем слабее региональная идентичность и соответственно её солидаризационный и мобилизационный потенциал. Наличие региональной идентичности у гагаузов и её нерасторжимая связь с этнической, сыграла немаловажную роль в самоопределении гагаузов на Буджакской земле в форме национально-территориального образования.

Позитивный заряд региональной идентичности гагаузов основан на особо тёплом отношении и выстраданным чувством к месту обитания. Он залегает в памяти об истории освоения края и превращения пустующей ковыльной степи в цветущий край с его нынешними удобствами для жизнеобеспечения. В этом качестве региональная идентичность служит не только внутриэтнической консолидации гагаузского народа, но и межэтнической интеграции с представителями других национальностей в рамках единой Молдавской государственности. Её позитивный настрой и мотивация к самоопределению служат не нарушению территориальной целостности молдавского государства, а укреплению суверенитета, преодолению межэтнических недоразумений, порождённых недоверием, созданным по недоумию отдельных политиков или общественных деятелей.

Обвинение гагаузов в сепаратизме, противопоставление региональной и национальной (в смысле общегражданской) идентичности является огорчительным заблуждением ряда политиков в Центре, их неспособностью понять, что все три гагаузские идентичности – этническая, региональная и гражданская – сосуществуют на мирной основе и принципиально дополняют друг друга. Следовательно, перед политической, научной и художественной элитой Гагаузии стоит

задача доказать, что ощущение Молдовы как Родины может быть полноценным и продуктивным только при наличии осознанного и сконструированного чувства Малой Родины. Непонимание этой закономерности элитами Комрата и Кишинёва представляет собой либо социальную патологию, либо зловредно внедрённую стратегию недоверия между Центром и регионом. В том и в другом случае востребованными становятся диалог культур и взаимное доверие.

Комплексный анализ векторов этнополитического развития Гагаузии с развитием художественной литературы и искусства, например, живописи и театра, даёт основание для уверенности в том, что региональная идентичность гагаузов не создаёт никакой угрозы единству молдавской государственности. Показательные результаты референдума 02.02.14, а также выборы башкана Гагаузии 22.03.15 ориентируют политическую и интеллектуальную элиту на мотивированное культивирование региональной идентичности с целью сохранения и укрепления территориальной целостности молдавского государства.

Этнорегиональная идентичность гагаузов как одна из основ их стремления к самоопределению имеет глубокие исторические корни, связанные с их переселением в Буджак в конце XVIII – начале XIX вв. и последующим утвердившимся отождествлением себя с Буджаком. Кратко и ёмко, лучше чем кто-либо другой, выразил эту парадигму известный молдавский исследователь, крупнейший знаток архивных источников того времени И.Ф.Грек. Приведу его текст: «Особое административное устройство и социально-правовое положение ‘задунайских переселенцев’, большинство которых составляли болгары и гагаузы, объективно сыграли положительную роль в их истории в Буджаке: во-первых, способствовали сохранению обычаев, традиций, навыков, культуры и языков; во-вторых, содействовали развитию и укреплению в их среде национального самосознания и создавали предпосылки для становления здесь бессарабских болгар со своей спецификой в духовной жизни и особой этнической общности – бессарабских гагаузов; в-третьих, они обеспечили им определённый, более высокий, чем в других крестьянских сословиях Буджака (кроме немецких колонистов), уровень социально-экономической жизни»[27].

В отличие от других «историй» формирования этнорегиональных идентичностей гагаузская складывалась благодаря освоению ими обезлюдившего «полынного» края (после ухода ногайских татар) без вмешательства каких-либо внешних сил и без применения искусственных процедур и технологий.

Наличие исторического «задела» облегчило задачу этническим мобилизаторам Гагаузии конструировать новую, актуализировать исторически сложившуюся и не прикладывая особых усилий для поддержки складывающейся естественным путем региональной идентичности.

Наряду с донецкой и луганской региональными идентичностями, породившими едва ли не гражданскую войну в борьбе за самоопределение, на Украине есть вероятность активизации новых регионов. Таковы, в частности, созданная в Одессе Народная Рада Бессарабия, напоминающая вместе с движением венгров, русин и румын в Закарпатье пробуждающийся этнополитический вулкан.

«Бессарабскую раду» организовали представители национальных меньшинств с целью добиться самоопределения в формате национально-территориальной автономии. При этом на первом этапе организаторы готовы ограничиться созданием национально-культурной автономии в составе Украины без нарушения соответствующих законов страны.

Тем не менее политические элиты Киева, напуганные опытом Крыма, восприняли эту идею как посягательство на территориальную целостность страны. И стоило только новоизбранному главе Народной Рады «Бессарабия» Дмитрию Затуливетеру объявить о том, что народы Одесской области – немцы, поляки, болгары, гагаузы «должны быть достойно представлены в политической и экономической жизни Украины, а также влиять на решения, которые касаются нашего края», как пресс-служба Народной Рады сообщила об его исчезновении. В президиуме Народной Рады «Бессарабия» уверены, что это служит показателем начала репрессий. Само по себе появление ещё одного проблемного региона имеет под собой вполне объяснимые исторические корни. Значительная часть Одесской области представляет собой южную часть Буджака, населённого представителями различных национальностей, являющихся носителями региональной идентичности с давних пор. Трагическая судьба этого региона напоминает чем-то судьбу неоднократных разделов территории Польши великими европейскими державами. Так, например, согласно Парижскому мирному договору 1856 г., Россия уступила (по требованию победителей в Крымской войне) часть Южной Бессарабии Молдавскому княжеству в качестве компенсации за Крымский полуостров. При этом граница была проведена таким образом, что поселения бессарабских болгар и гагаузов оказались разделёнными примерно на две равные части.

В 1918–1940 гг. Буджак, как и вся Бессарабия, оказался в составе Королевской Румынии.

В 1940 г. южная часть Буджака была передана Украине и вошла в состав Одесской области. Гагаузские и болгарские поселения Буджака снова оказались разделёнными сначала в советские годы условной, а в постсоветский период – реальной государственной границей.

Обозревая трагическую судьбу Буджака, надо было обладать изрядным запасом мужества, чтобы посвятить ему специальное исследование и восприни-

мать его целостность как территориальную основу региональной идентичности гагаузов. Эту миссию взяла на себя Д.Е. Никогло и поставила перед собой трудную задачу по выявлению общего и особенного в восприятии Буджака как малой родины в поэзии гагаузских и болгарских поэтов Молдовы и Украины. При этом она исходила, во-первых, из того, что «Одной из важных составляющих идентичностей индивида является региональная (территориальная) идентичность, в которой выражается отношение человека к своей малой родине и земле, на которой он родился или живёт и работает»[28]. Ей сопутствовала серьёзная удача, когда удалось обнаружить принципиальную смысловую разницу в нагрузке текста (т.е. содержания) региональной идентичности, исповедуемой гагаузами и болгарами, несмотря на господствующую в историографии общность исторических судеб и близость их традиционных культур. «Идейно-тематический разлом» в болгарской и гагаузской поэзии, – заключает Д.Е. Никогло, и согласимся в этом с ней – проявляется в отношении к исторической родине – Балканам, Болгарии»[29].

Суть различий, по её мнению, в том, что для болгарских поэтов чувство подлинной родины связано с этническим материком – страной Болгарией и вытекающим отсюда представлением о наличии двух родин: большой (Болгарии) и малой (Буджака). В творчестве гагаузских поэтов обращение к Балканам как к исторической родине и как к земле обетованной встречается довольно редко. Исследование показало, что для гагаузов единственной родиной воспринимается Буджак или евразийские степи, по которым передвигались их кочевые пращуры[30].

Этносоциологическое исследование по проекту «Оптимизация трансформационных процессов в Республике Молдова. Постсоветский период», проведённое в 2006 г. при поддержке РГНФ (грант № 06-01-91757е, руководитель М.Н. Губогло) позволило сравнить некоторые ценности повседневной жизни гагаузов, болгар и русских, в той или иной мере связанных с этнорегиональной идентичностью и приверженностью к традициям. При некоторых весьма незначительных различиях правила и нормы «Грамматики жизни» сближают болгар с гагаузами больше, чем с представителями русской национальности, что служит основанием для вывода об единстве её генезиса в связи с общей исторической судьбой. На заре XXI в., как и столетие тому назад, для гагаузов и болгар едва ли не обязательной была необходимость получить согласие на брак, соблюдать жёсткий контроль над детьми даже по достижению ими взрослого состояния, быть верующими и еженедельно посещать храм, в отличие от русских, среди которых установки по этим же вопросам гораздо более лояльны (см. табл. 1).

Таблица 1

Социокультурные предпочтения гагаузов, болгар и русских в Гагаузии (в % по итогам этносоциологического опроса в 2006 г.)

	Национальности		
	Гагаузы	Болгары	Русские
Считают обязательным получение родительского согласия на брак	60,8	58,9	37,6
Жёсткий контроль над детьми	22,4	18,9	13,6
Умение усердно трудиться	40,4	42,2	28,0
Верующие и соблюдают религиозные обряды	31,7	33,3	14,4
Еженедельно посещают храм	10,8	10,0	4,8
Заработанные деньги за пределами Республики Молдова потрачены в основном на оплату своего образования или образование детей	22,8	22,2	11,2

Вместе с тем вопреки консерватизму в семейных отношениях, гагаузы и болгары чаще, чем русские, готовы платить за образование и усердно трудиться, что говорит об ориентациях на мобильность.

Референдум – правовая основа региональной идентичности

Наличие недоверия между политическими лидерами региона в каждой стране и Центром – верный признак этнополитической нестабильности как в Молдавии, так и на Украине и первый шаг к борьбе за самоопределение.

В связи с годовщиной воссоединения Крыма с Россией, по итогам референдума 16 марта 2014 г., на каналах российского телевидения и на сайтах интернета неоднократно прозвучало интервью Президента В.В.Путина. Особое внимание привлекла та часть его беспрецедентно откровенного повествования о бессонной ночи с 22 на 23 февраля 2014 г., когда он вместе с четырьмя приглашёнными руководителями российских спецслужб принял решение о спасении свергнутого президента Украины и о проведении референдума в Крыму. «Это была ночь с 22 на 23 февраля, закончили около 7 часов утра, и я всех отпустил и пошёл спать в 7 часов утра. И, расставаясь, перед тем как все разошлись, я всем моим коллегам, а их было четверо, сказал, что ситуация развернулась таким образом на Украине, что мы вынуждены начать работу по возврату Крыма в состав России. Потому что мы не можем бросить эту территорию и людей, которые там проживают, на произвол судьбы, под каток националистов»[31].

С точки зрения ординарного международного права, это решение не имело юридической силы, являлось вмешательством во внутренние дела соседнего государства, хотя и не преследовало умышленно специальной цели нарушения территориальной целостности Украины.

Иными словами, российский Президент, принимая во внимание экстремальную ситуацию, «распечатывал квадратуру круга» за счёт приоритетного решения права населения региона на самоопределение. Дело в том, что более чем два миллиона граждан Украины, проживающих на Крымском полуострове, оказались после Майдана в февральские дни 2014 г. во власти нелегитимного правительства. Одним из первых законов, принятых украинской Радой после переворота на Майдане, был закон против русского языка. Между тем не было недостатка в понимании того, что наряду с географическим фактором языковой фактор выступал стержневой основой крымской этнорегиональной идентичности и самоопределения.

Ещё раз напомним решённую В.В.Путиным неразрешимость «квадратуры круга». Прощаясь с коллегами после бессонной ночи, он подчеркнул, что решение о включении Крыма в состав России будет приниматься «только в том случае, если будем абсолютно убеждены в том, что этого хотят сами люди, которые проживают в Крыму»[32].

В случае с Крымом особую роль сыграло неприятие киевскими властями наличия хорошо осознаваемой этнорегиональной идентичности, что и послужило фактором выталкивания крымчан из Украины и принятия ими решения войти в состав России.

Референдумы в Гагаузии и в Крыму с этнополитической точки зрения выявили ряд типологически сходных черт. Они сыграли важную роль в выборе крымчанами своей исторической судьбы. Наряду с другими факторами гагаузы и крымчане опирались на особенности языковой жизни и культурной ситуации, на мероприятия унитарного характера политического устройства Молдовы и Украины, на неприемлемость политики неокоренизации, осуществляемой Кишинёвом и Киевом в ущерб региональным интересам.

Русскоязычие и русскокультурие населения Гагаузии, насчитывающее по предварительным данным переписи населения в апреле 2014 г. 155,6 тыс. чел., составляло 4,6% населения Молдовы. При этом на долю гагаузов приходилось 82,1% численности населения Гагаузии.

Задача двух книг, посвящённых анализу (по горячим следам) итогов гагаузского и крымского референдумов[33], состояла в том, чтобы раскрыть смыслы, т.е. истолковать текст энергии доверия и страстей по доверию как диалогу во имя справедливости с целью достижения права на региональную самоорганиза-

цию и самоопределение. В том и другом случае на примере Гагаузии и Крыма мы наблюдаем широкоохватное действие и движение народных масс, воодушевлённых доверием к самим себе и недоверием к своим оппонентам – киевским и кишинёвским властям. В этом великом «действии» по пути к самоопределению отчётливо выделяются три уровня доверия. Первый уровень – повседневно-бытовой, показывающий разговоры и обсуждения состояния языковой, культурной, этнополитической жизни населения региона, претензии к центральному руководству, оказавшемуся неспособным увидеть и оценить цивилизационное значение русского языка как для крымчан, так и для гагаузов Молдавии. В разговорах о складывающейся действительности выявляется, что она не является той реальностью, которую хотели бы видеть носители региональной идентичности или ожидали бы после развала Советского Союза. В отличие от первого уровня, когда говорить можно было обо всём, о любых бытовых вещах, на втором уровне, во время митингов, скандируются лозунги, подобные песням о любви, о чувствах и эмоциях, выражающих доверие России, её народам, В.В. Путину, русскому языку и культуре. Нельзя на одном и том же языке обсуждать стоимость продуктов в соседнем магазине или цены на российский газ и воспевать любовь и свои чувства. Наконец, третий уровень доверия – это карнавальное шествие с флагами и транспарантами по проспектам родного города, символизирующее и манифестирующее возвращение крымчан на родину или самосохранение гагаузов с помощью русского языка во имя реанимации гагаузского языка и возрождения национальной культуры.

По своему характеру текст и смыслы движений народных масс Крыма и Гагаузии за доверие, диалог культур и справедливость во имя самоорганизации и самоопределения, чем-то напоминал драматургию индийского кинематографа. В отличие от европейского кино, в котором можно говорить обо всём, в индийском – на первом уровне реальности обсуждают преимущественно бытовые проблемы как из жизни бедняков, так и более удачливых людей. Когда же речь идёт о высших проявлениях человеческого духа – о высоких материях, типа любви, счастья и радости, артисты об этом поют. Когда же речь идёт о самом главном, о выборе судьбы, в индийском кино начинают танцевать. В триедином проявлении душевных порывов и в подготовке референдума заложен глубокий философский смысл.

Языковая жизнь гагаузов и крымчан как смысловой текст

Языковые революции, прокатившиеся по союзным республикам в 1989–1990 гг. подобно известному со школьной скамьи триумфальному шествию со-

ветской власти, стали причиной и следствием надвигающегося развала Советского Союза.

В последние дни августа 1989 г. Верховный Совет Молдавской республики принял три закона, согласно каждому из которых молдавский язык был провозглашён единственным государственным языком МССР, кириллица заменена латиницей и признана идентичность молдавского и румынского языков. В ответ немедленно забастовали регионы Молдавии с преобладанием русскоязычия в языковой жизни граждан. «Отмена» русского языка в общественной жизни, особенно в сфере управления, означала перекрытие доступа русскоязычным региональным и этническим элитам в кабинеты государственной власти для справедливого соучастия в распределении материальных и духовных ресурсов.

Наступление на русскоязычную среду в официальной жизни гагаузов грозило отказом в их стремлении к самоопределению. Между тем, подобно намерениям титульной национальности, сформировавшей Народный Фронт, который стал лидером идеи выхода Молдавской ССР из Советского Союза и создания суверенного молдавского государства, 12 ноября 1989 г. на Чрезвычайном съезде гагаузского народа была провозглашена Гагаузская Автономная Советская Социалистическая Республика в составе Молдавской ССР на основе реализации права гагаузов на самоопределение. Однако Президиум Верховного Совета МССР немедленно 13 ноября решения Чрезвычайного съезда гагаузского народа объявил неконституционными.

Продолжая борьбу за русский язык как надёжный оплот самоопределения, 19 августа 1990 г. Гагаузская Автономная Республика в одностороннем порядке объявила о самоопределении путём выхода из Молдавской Республики. Форсированная молдаванизация и разрушение основ русскоязычной языковой среды в Гагаузии было приостановлено вплоть до 23 декабря 1994 г., когда Парламент Республики Молдова принял закон «Об особом правовом статусе Гагаузии – Гагауз ери». При этом выход Гагаузии из состава Молдавской ССР был в известной мере инспирирован принятой чуть ранее – 23 июня 1990 г. Декларацией «О суверенитете Советской Социалистической Республике Молдова», согласно которой в одностороннем порядке без санкции Москвы и каких либо переговоров с руководством СССР Молдова объявила о своём выходе из состава СССР[34].

23 декабря 1994 г. после продолжительных и утомительных дебатов Парламент Молдовы принял закон о «Гагауз Ери». Это означало подведение правовой основы для этнорегиональной идентичности гагаузского народа. Закон о самоопределении Гагаузии отражал политическое доверие молдавского народа гагаузскому и верности гагаузского народа молдавскому[35].

Серьёзная правовая основа как гарант региональной идентичности была подведена Народным Собранием Гагаузии принятием Уложения (Основного закона) Гагаузии, вступившего в действие 5 июня 1998 г. Этим важнейшим в судьбе гагаузов документом русский язык был утверждён государственным языком Гагаузии наряду с молдавским и гагаузским.

В дальнейшем, как уже говорилось выше, три важнейших политических кампаний – референдум 02.02.2014 г., парламентские выборы 30.11.2014 г. и, наконец, выборы башкана 22.03.2015 г.– подтвердили прочность этнорегиональной идентичности населения Гагаузии, их готовность твердо стоять за сохранение русского языка с одновременными мощными усилиями и дальновидными планами по возрождению гагаузского языка и культурного наследия, написания национальной истории (см. ряд выступлений П.М. Пашалы) как правовой и этнокультурной основы самоопределения на основе этнорегиональной идентичности.

По данным этносоциологических опросов и полевым наблюдениям, языковая жизнь гагаузов и представителей других национальностей в Гагаузии и в других регионах Молдовы характеризуется использованием русского языка в официальной и информационной жизни и двуязычия (языка своей национальности и русского) в сферах неофициальных общений.

Почти за четверть века пребывания в составе унитарной Украины население Крыма, насчитывающее по предварительным данным переписи населения в октябре 2014 г. 2,2 млн. чел., в т.ч. 18 894 тыс. чел. в Крыму и 395 тыс. чел. в Севастополе, сохранило знание русского языка, употребление его в речевом поведении и приверженность к нему как средству общения и как ценности своего культурного достояния.

Исследования, проведённые Институтом этнологии и антропологии РАН в 2013 и 2014 гг. в Симферополе и в прилегающих окрестностях, показали, что общение на русском языке в трёх важнейших сферах – в быту, на работе и в сфере общественной жизни стало основой региональной идентичности, т.е. осознания себя крымчанами[36].

Общие черты в панораме языковой жизни Гагаузии и Крыма при некоторых межэтнических различиях, свидетельствуют о том, что в каждом из регионов языковая ситуация не стала успешным полигоном для реализации молдаванизации и украинизации в соответствии с задачами молдавского и украинского нациестроителства и унитаризма.

Между тем к началу нового тысячелетия 98% граждан России свободно владело русским языком, что позволило сделать принципиальный вывод о том, что русский язык стал национальным достоянием народов России[37].

Сегодня с уверенностью можно говорить, что за истекшие четверть века языковая жизнь населения Гагаузии и Крыма вместе с векторами культурной жизни развивалась по сходным тенденциям с народами России, несмотря на то, что носители региональной идентичности – гагаузы и крымчане проживали в двух соседних государствах.

Сходство характеристик русскоязычия и русскокультурия и последовательное усиление этнорегиональной идентичности в Гагаузии и в Крыму порождало у политических лидеров Кишинёва и Киева раздражение в форме русофобии. Нарастающему неприятию России во многом способствовали и внешние факторы, в т.ч. пропагандистские усилия и материальная помощь западных стран по внедрению принципов демократии, рыночной экономики, по замене коллективистских форм повседневной жизни «Грамматикой индивидуализма», а также раздувание русофобии и антироссийского пожара.

В доктринальной основе подготовки гагаузского и крымского референдума важная роль отводилась поискам доверия: в первом случае между жителями и политическими элитами Гагаузии и Кишинёвом, во втором – между руководством Крыма и Киевом, а также между Симферополем и Москвой. Результаты волеизъявления гагаузов и крымчан превзошли все ожидания. Первые путём всенародного волеизъявления 02.02.2014 открыто предупредили кишинёвские власти о своей готовности сохранять территориальную целостность Молдовы в случае, если она не лишится своего суверенитета, согласившись войти в состав соседнего государства, и одновременно выразили всенародную готовность двигаться в восточном направлении, чтобы войти в состав Таможенного Союза.

По итогам крымского референдума руководство Республики Крым, опираясь на волеизъявление русскоязычного населения, обратилось к руководству России принять Крым в состав России. Депутаты Госдумы и сенаторы Совета Федерации ратифицировали Договор о присоединении Крыма и Севастополя к России и приняли Федеральный Конституционный закон о вхождении в состав России двух новых субъектов Федерации. 18 марта Президент В.В. Путин подписал Указ об образовании Крымского федерального округа.

Основные формы реализации этнорегиональной идентичности гагаузов выражаются, во-первых, в стремлении бережного сохранения природного ландшафта, во-вторых, в адаптации системы жизнеобеспечения и культуры к местам проживания, в-третьих, в поэтизации земли как Малой Родины. Снова С.С. Курогло:

«Если спросят, что в мире подлунном
Я святее всего берегу,
Без сомненья – 'Буджак мой полынный'
Я и другу скажу и врагу»[38].

Компоненты традиционной культуры

Разновидности справедливости, представленные в повседневной жизни посредством определённых норм и правил, сродни «Грамматике жизни», т.е. таким устоям традиционной и современной культуры, с помощью которых на институциональном или личностном уровне люди оценивают справедливость или несправедливость происходящего. При этом нормы справедливости выполняют ряд функций, в т.ч. психологических, делая её «базовым понятием морального сознания»[39].

Календарные праздники как текст и как ритм жизни

Календарные праздники, отражающие реальные и символические основания этнорегиональной идентичности гагаузов, ритмы и темпы их повседневной жизни, а также лексика и символика, пожалуй, наиболее исследованы в современной литературе по гагаузоведению[40].

На формирование этнорегиональной идентичности гагаузов, как и у других народов, оказывает влияние «ритм жизни, совпадающий с естественным циклом сельскохозяйственных работ, связанный с временами года. Содержанием исторического процесса в традиционной культуре становится не движение ‘вперед и вверх’, а тщательное и многократное переживание уже имеющегося опыта. При этом каждый день жизни человека занимала работа»[41].

К природе, календарным праздникам, необратимости времени и бесконечности пространства особую чувствительность проявляют поэты, писатели, художники учёные.

«Чередой за днями дни бегут
Как за временами времена,
Вода течёт, песок лишь оседает,
Хотя одна душа уже другой заменена» (*С.С. Курогло*)[42].

Круговорот событий повседневной жизни по временам года и суток вместе с артефактами традиционной культуры представляет собой излюбленный сюжет гагаузских художников[43].

Будучи важным показателем материального благополучия и высокой духовности человека, приверженности труду и избранному делу, под которым подразумевается креативно-продуктивная деятельность, служат сжатию времени и продлению века человека. Не пытаясь представить здесь сколько-нибудь полную классификацию трудоголизма и трудоголиков, отметим среди мотивов этого основания региональной идентичности – труд ради жизнеобеспечения и для комфортной самоидентификации в коммуникационном окружении, труд ради

ощущения себя нужным семье, обществу и своему народу, а также упорный труд во имя достижения поставленных целей.

В традиционных обществах традиции преобладают над инновациями и новаторством. До середины XX в. в гагаузском социуме традиционность выступала в форме неукоснительного следования традициям. Люди следовали каноническим правилам повседневной жизни, соблюдая сценарии свадебных, родильных и похоронных обрядов, следуя «Грамматике жизни», т.е. нормам и ценностям неписанных законов. Механизмом следования традиции служило общественное мнение, («инсан маана булмасын» – «чтобы народ не осудил») неукоснительно следившее и карающее тех, кто осмеливался нарушать заветы «жить, как все» отцов и дедов. Соблюдение обычаев цементировало локальное сообщество и не позволяло нарушать обычаи, как одно из оснований региональной и этнической идентичности.

Хотя жизнь порой брала своё и бывали случаи «выхода» отдельных людей из закостенелой системы духовных ценностей и поведенческих стратегий. Такие «выходы» в новом тысячелетии становятся довольно частыми. Так, например, в чарующем стихотворении «Старинный тополь», символизирующий по законам скрытых смыслов «Древо жизни», берёт на себя ответственность за соблюдение православного канона в скреплении новой семьи, когда молодые решили пожениться без родительского благословения. Будучи этнографом по образованию и поэтом по призванию С.С. Курогло поэтически изобразил эту ситуацию.

«Да, горе, да, нарушен здесь обычай:
Невенчанные, двое – и в степи!
Рыдает мать, отец молчит, набычась,
В тревоге братья, и никто не спит.
Позор семье… Распущенность… Растленье…
Приданного не будет молодым…
Но шепчет тополь: встаньте на колени –
И их венчает шелестом своим»[44].

Формирование гагаузской региональной элиты[45], взявшей на себя миссию огосударствления гагаузского народа, взяло на вооружение идеологию этноцентризма, настоенного на страстном желании удревнить этническую историю своего народа и отделить себя от навязываемых концептов нетюркского происхождения.

Однако «локальность и замкнутость культурного развития в сравнительно узком социальном пространстве (этническая группа) не вело к жесткому изоляционизму. Принципом существования было признано – резкое разграничение

и противопоставление ‘своего’ и ‘чужого’. Данная культура осознавала свою самодостаточность»[46].

Локальность этнорегиональной идентичности гагаузов никогда не воспринималась составной частью тюркского суперэтноса, тюркского мира, в том смысле, как его толковали пантюркисты. За 200 лет существования под короной Императорской России гагаузский тюркоязычный этнос освоил русский язык, стал двуязычным, но сохранил этнорегиональную идентичность.

Формирование и развитие «председательского корпуса»[47], научной, художественной и управленческой элиты гагаузского народа в мобильные 1960–1980-е гг., обретённое государственное образование, противоречивые разнонаправленные векторы социально-экономических преобразований в постсоветский период, пугающие изменения ценностной основы этнокультурной системы, способствовали понижению уровня нормативности, охватывающей многие стороны повседневной жизни гагаузов. Однако, как показали российско-молдавские симпозиумы, посвящённые «Грамматике жизни», частично отражённые в десятитомной серии «Курсом развивающейся Молдовы», компоненты нормативной культуры до сих пор сохраняют влияние на повседневную жизнь гагаузского социума.

Это находит своё выражение в следовании, хотя и слабеющем, нормам и образцам поведения, обычаям, ритуалам, способам и приёмам деятельности, транслируемым от предшествующих поколений. Инновации, идущие от вызовов глобализации и общемировых процессов, расшатывают, но не уничтожают элементы устойчивости хозяйственного уклада, получившего, в частности, новое дыхание в личном хозяйстве после ликвидации колхозного строя, трансформируют кардинальным образом житейскую психологию. Нормы традиционной культуры, заданные сакральной традицией, адаптированные с детских лет, как и употребление гагаузского языка, хотя и приобретают некий декоративный характер в новом исполнении, всё же сохраняют в главном мейнстриме преемственность с прежней нормативностью.

В формировании этнорегиональной идентичности гагаузов наряду с географическим фактором, связанным с ощущением Буджака как освоенной собственными руками малой родины, важную роль сыграли и социальные факторы, в т.ч. форсированная социализация во второй половине XX в. В отличие от межвоенного периода, в пору, когда большая часть гагаузского народа находилась в составе Румынии, и когда коллективистские интересы как признак архаичности доминировал над индивидуальными, во второй половине XX в., особенно накануне развала Советского Союза, парадигма соборности, коллективизма сменилась тенденцией к индивидуализму.

Объяснение этой смены кроется в том, что традиционная культура гагаузов строилась на общности исторической судьбы, на кровнородственных связях, совместно и порознь осуществляемой сельскохозяйственной деятельности. Образно говоря, в складывании этнорегиональной идентичности немалую роль сыграло перемещение от представлений об «единстве крови и почвы» к осознанию Буджака как своей Малой родины.

Традиционная «Грамматика жизни», как и этническая культура народа, базируется на мифологических представлениях, связанных с обрядовой и магической стороной повседневной жизни. И той и другой принадлежит приоритет в окультуривании различных сторон жизнедеятельности человека и народа. Опредмеченные результаты человеческой деятельности[48], а также природные ресурсы и явления имеют двойное выражение – реальное в обыденных и утилитарных практиках и характеристиках и сакрально-смысловое. При этом традиционная культура, отличающаяся синкретизмом, т.е. нерасчленённостью четырёх форм бытия – человека, культуры, природы и этнической или территориальной общности, служит основанием для формирования, сохранения и развития этнорегиональной идентичности. Это основание не является чем-то закостенелым или стремлением к всяческой консервации. Оно способно к восприятию доказавших свою эффективность новых элементов культуры или механизмов стабилизации устоев повседневной жизни. Мифотворческий потенциал не исчерпал себя и в новых условиях. Приведу два примера из собственной практики мифотворчества. В далёкие студенческие и аспирантские времена, в 1960-е гг., обследуя гагаузские селения, я записал относительно хорошо сохранившиеся поверия среди гагаузов о волчьих праздниках и связанных с ними табу, т.е. на запреты на те или иные виды работ, предписываемые в эти дни для исполнения и соблюдения, вытекающие из страха людей перед степным хищником.

Восприятие и толкование этих запретов в качестве проявления культа волка невольно сделало меня родоначальником нового мифа, взятого на вооружение представителями художественной и научной элиты в качестве этнокультурного и этнополитического бренда этнической культуры гагаузов и Гагаузии, а также в качестве основания для этнической и этнорегиональной идентичности.

Аналогичная мифотворная судьба постигла различные варианты традиционной песни «Оглан», первые цензурные и хулиганские варианты которой были зафиксированы мною и часть которых впервые литературно изданы в 1968 г.[49]

Сегодня профессионально и музыкально обработанные её варианты в блестящем исполнении почетного гражданина города Чадыр-Лунги выдающегося оперного певца Степана Степановича Курудимова стали общенародно при-

знанным символом гагаузской профессиональной культуры, также являющейся значимой кладезью для формирования гагаузской этнической и региональной идентичности.

Указанные степные бренды, ориентированные изначально на восстановление забытых страниц и интерпретацию кочевого прошлого в истории гагаузов, сыграли положительную роль в сплочении гагаузского сообщества и стали важными опорами в становлении идеи регионального самоутверждения и самоопределения. В известной мере, наряду с другими факторами, они обеспечили доктринальную поддержку политического курса на создание гагаузской государственности и послужили усилению солидарности населения Гагаузии.

Принципиальная значимость всех перечисленных выше оснований этнической и этнотерриториальной идентичности гагаузов, существенно уступает роли языка и религии, точнее двуязычия на базе гагаузского и русского языков, и православию с отдельными вкраплениями язычества и неоязычества. И поскольку этим основаниям посвящен ряд моих публикаций, в т.ч. три специальные монографии, я позволю себе воздержаться от сколько-нибудь подробных комментариев[50].

Функции этнорегиональной идентичности

История и стратегия развития Гагаузии, как автономно-территориального образования, предполагает наряду с желательно устойчивым социально-экономическим развитием, успешное функционирование социокультурного и этнокультурного аспекта системы жизнедеятельности, информационно-коммуникационной системы, а также антропологизацию географического пространства, что имеет непосредственное отношение к проблемам этнической и региональной идентичности, пространственной самоорганизации и административному самоопределению и представляет собой новую задачу по пропаганде этнорегиональной идентичности.

Понятия структуры, содержания и функций этнической и этнорегиональной идентичности имеют несколько значений, важнейшее из которых взаимосвязанные треугольником, на вершинах которого знания, поведение и отношение . Данный треугольник, утвердившийся в этносоциологических исследованиях с самого начала их зарождения, был в первое время ориентирован в основном на изучение этноязыковых процессов.

Функциональная нагрузка этнорегиональной идентичности приобрела особую актуальность на наших глазах в переломный период истории гагаузского народа и стала в известной мере идеологической опорой этнической мобилиза-

ции, осуществляемой как «деятельность политических акторов, направленная на производство и продвижение/навязывание определённых способов интерпретации социальной реальности»[51].

В отечественном гуманитарном знании утверждается точка зрения о том, что идентичность, в т.ч. региональная, строится на представлении о том, что именно восприятие человеком окружающей действительности становится базой для его самосознания, представления о ней, а не она сама.

«Как бы сильно ни отличались бы эти два феномена друг от друга, – настаивает профессор МГУ Л.В.Смирнягин, – именно представление (перцепция) оказывается главным для понимания того, чем руководствуется человек в своей социальной и личной практической деятельности»[52].

Обладатели этнорегиональной идентичности призваны исполнять некоторые функции, предписания для которых имеются в системе этнической культуры и в «Грамматике жизни», а также поддерживаются в сознании масс, в деятельности этнической элиты или этнических мобилизаторов.

Гносеологическая (познавательная) функция состоит в восприятии, освоении и усвоении доктринального и теоретико-концептуального знания о культуре своего народа, которые формируются, транслируются и в известном смысле пропагандируются этнической элитой и этническими мобилизаторами. Наряду с расширением кругозора и мировосприятия, с обогащением сведений о месте своего народа в этнокультурном мире данная функция прокладывает путь к познанию человеком самого себя.

С культуртрегерской деятельностью этнической элиты по воспитанию и поддержке этнорегиональной идентичности связана аккумулятивная функция, благодаря которой транслируется и охраняется культурное достояние предков, а также действует конвейер по созданию и накоплению новых ценностей и закреплению этнокультурного опыта.

Три функции – коммуникативная, интегративная и консолидационная исполняются при содействии этнической элиты, стараниями и усилиями которой формируются и обеспечиваются трансляции этнокультурной информации во внутрипоколенном, межпоколенном и в кросспоколенном срезах. Смысл подобных коммуникаций состоит в содействии объединительным и консолидационным процессам на основе единых ценностей, типологически сходных убеждений и взглядов[53].

Политическая элита Гагаузии как создательница молодой государственности крайне заинтересована в разработке и реализации таких символических стратегий, благодаря которым консолидируется гагаузский народ как самостоятельная этническая общность, вступившая на рубеже XX и XXI вв. на европей-

скую политическую сцену. С этой целью она и солидарная с ней научная и художественная элита воспевают этничность, социально-экономическое положение и географическое расселение, масштабы региона и его ресурсы, уровень образования и профессиональной занятости населения. И хотя представители различных партий и взглядов сходным образом понимают конечную цель по сплочению населения Гагаузии, порой тактические расхождения могут не содействовать, а противоречить достижению этой цели.

Если, например, одни политики являются приверженцами теории кочевого прошлого гагаузов как модели удревления этнической истории и укрепления достоинства и самосознания гагаузского народа, а другие исповедуют т.н. «болгарскую» теорию, основанную на признании исконной оседлости предков, возникает альтернативный подход и к выбору этнических и этнополитических символов: в одном случае предпочтение отдаётся изображению волка на официальном знамени, в другом – видятся петушки по краям полотнища государственного флага. При этом споре менее всего и те и другие обращаются к идентичностям населения, его вкусам и исторической памяти. Этнорегиональная идентичность гагаузов, как и болгар, – основных обитателей Буджака – требует поиска компромиссных решений. Напомню известный в литературе пример из истории Румынии.

В период режима Чаушеску на публикацию и перевод романа Брэма Стокера «Дракула», а также на все другие произведения, затрагивающие ту же тему, был наложен запрет. Власти опасались, что вампирская сага создаст внутри негативный имидж трансильванским крестьянам – жителям территории, откуда появилась эта легенда. Большинство румын лишь в начале 1990-х гг. узнало о той притягательности, которой обладает миф о Дракуле в глазах жителей других стран. С той поры до 1995 г. этот образ стал предметом достаточно острых споров политиков, которые хотели использовать его в целях развития Трансильвании. Тогдашний министр туризма Дан Матей в согласии с местными политическими и экономическими игроками хотел привлечь внимание к региону именно ярким образом известного персонажа, чтобы затем ещё подстегнуть вялый спрос на курорты побережья Чёрного моря и дельты Дуная, которые к тому времени едва дышали. Ему принадлежат слова: «Если туристы хотят видеть руки, появляющиеся из гробов, мы им это устроим». Но эта идея встретила и сильное сопротивление. Дело в том, что Влад Цепеш, прототип графа Дракулы, – национальный герой Румынии. Он почитается как защитник православной веры, организатор обороны Румынии от турецких войск в XV в., поэтому идея замещения его легендарного ореола образом вампира не всем жителям пришлась по нраву. В конце концов, диспаритет мнений был выровнен компромиссной стратегией. «Национальными и областными властями было принято решение в та-

ком ключе оформить территорию, проводить конференции и туры, чтобы они демонстрировали различия между мифическим образом графа Дракулы и историческими фактами из жизни реального трансильванского правителя. Так или иначе, уже через несколько лет туристический сектор Румынии стал самым прибыльным направлением в экономике страны[54].

В закреплении консолидационной функции этнорегиональной идентичности немаловажную роль играет практика политических лидеров Гагаузии по внедрению новых символов, обогащающих процесс формирования этнического самосознания. Особую популярность, в частности, приобрёл Праздник вина, ежегодно отмечаемый в Комрате. Названия вин как, например, «Казияклийский кагор», «Томайский десерт», «Чадыр-Лунгская жемчужина» вносят важный вклад в стратегию форматирования этнорегиональной идентичности. С исключительно важной инициативой выступил директор Научно-исследовательского центра им. М.В. Маруневич, воспитанник Института этнологии и антропологии РАН, П.М. Пашалы по созданию истории каждого села Гагаузии. Воссоздание истории каждого села и его выдающихся личностей, вероятно, будет сопровождаться культивированием образа Буджака как географического ареала вместе с образом конкретного села подобно тому, как в России Астраханская область – это лицо России на юге, Пермская область – духовная граница между христианством и язычеством, Оренбургская область – пуховые платки, Татарстан – оплот ислама на Севере, Екатеринбург – столица Евразии, Кызыл – центр евразийского материка и т.п.

Имитационный и декоративный характер гагаузизации региона и региональной идентичности, который со стороны можно принимать за реальное возрождение этничности и функционального развития гагаузского языка благодаря усилиям интеллектуалов будет постепенно обретать черты реальности и подлинности.

Без сочетания с региональной идентичностью, привязывающей гагаузов к географическому местоположению, этническая и этнополитическая идентичности дают меньший консолидационный эффект, обедняющий коллективный автопортрет сообщества Гагаузии и его интенции к самоутверждению и самоопределении.

Этническая и региональная идентичности становятся важной основой производства, реализации и рекламирования тех или иных видов промышленной и сельскохозяйственной продукции. Стратегия конструирования расширяющейся региональной идентичности пользуется заслуженным успехом, если опирается на сложившиеся традиции и служит одним из факторов модернизации. В качестве примера напрашивается гагаузский национальный праздник вина, отме-

ченный в 2014 г. в Гагаузии уже в восьмой раз. Он проводится обычно в первое воскресенье ноября месяца.

Большая и просторная площадь в столице Гагаузии обретает признаки фестивального характера и действа. В нём принимают участие не только прославленные труженики Буджакских полей, садов и виноградников, но и профессиональные деятели культуры, известные политики и общественные деятели, соотечественники, гости, приглашённые на праздник из ближних и дальних стран, представители дипломатических миссий, аккредитованных в Молдове, чрезвычайные и полномочные послы соседних государств. Складывание гагаузской региональной идентичности служит одновременно достижению внутренних консолидационных и внешних интеграционных целей.

Для дальнейшего укрепления имиджа Гагаузии и этнорегиональной идентичности гагаузов многообещающей является роль Первого Черноморского форума виноделия, стартовавшего в 2014 г. в Гагаузии. По оценкам экспертов, это мероприятие может стать отправной точкой для развития международного сотрудничества виноделия Черноморья и для притока инвестиций в экономику Гагаузии. Населению Черноморского региона, в т.ч. и жителям, разделённым государственными границами, исторически было свойственно толерантное отношение друг к другу , уважение к сходным стратегиям хозяйственной и повседневной жизни, обычаям потребления вин, отмечание праздничных, юбилейных и памятных дат.

Созданию положительной репутации и привлекательного образа Гагаузии наряду с этнической и региональной идентичностью в немалой мере служит языковая идентичность и прежде всего – двуязычие и многоязычие гагаузского народа, в т.ч. русский язык как национальное достояние и как признанный язык Черноморского форума виноделия.

Символическая функция призвана служить созданию некой «второй реальности» путём превращения предметов, фактов, событий отдельных людей и явлений в знаковые и значимые символы данной территории и для данного народа. Выше уже приводился пример того, как табуированные действия и поступки людей в дни «Волчьих праздников» были превращены в сакральный культ волка, а, не отличающиеся деликатностью изначальные варианты песни «Оглан» вместе с культом волка стали символом древней истории кочевых предков гагаузов. Подобным примерам несть числа…Не исключено, что со временем такая же судьба ждет ореховые рощи Гагаузии, подобно оливковым холмам Испании.

Ещё две взаимосвязанные функции – аксиологическая и мировоззренческая, с одной стороны, обязывают носителя этнорегионалной идентичности с

уважением и пониманием относиться к шкале ценностей, на вершину которой художники, поэты и композиторы воздвигают памятники и объекты культуры, выражающие духовные ценности народа, а с другой – связывают настоящее и прошлое народа во имя более лучшего будущего. Восстановление фрагментов этнической истории гагаузов в образе легендарных героев, каменных половецких изваяний, фольклорных и сказочных сюжетов, изображение на картинах древних мостиков, домов и других предметов старины, формирует отношение обладателя этнической и региональной идентичности к окружающему миру и к самому себе.

Вероятно, не каждый носитель этнорегиональной идентичности читал и слышал формулу «красота спасёт мир», тем не менее в его сознании и в представлениях укладываются представления о прекрасном и безобразном, упорядоченности и хаотичности государственного и регионального миропорядка в соответствии с обретённой им и исповедуемой эстетической функцией.

Как ни парадоксально, региональная идентичность гагаузов и населения Гагаузии поддерживается сопротивлением давлению Кишинёва и противодействию столичной элиты стремлениям жителей автономии к самоорганизации и самоопределению в рамках Молдавского государства. Это давление особенно проявляется в позиции иных сторонников унионизма, отказывающих гагаузам в праве осознавать территорию Гагаузии собственным местом жительства. При этом лидер Либеральной партии Михай Гимпу не скрывает раздражения от того, что гагаузы не испытывают благодарности за «подаренную» им землю Молдавским государством. Его обидные и оскорбительные высказывания вызывают ответную протестную реакцию и порождают в жителях Гагаузии либо глухое сопротивление Центру, либо неприятие его проевропейского курса, либо готовность голосовать за присоединение к Таможенному Союзу, в т.ч. из-за оскорбительных выпадов кишиневских политиков в адрес идентичностей гагаузов. В нынешней непростой ситуации исключительно важное поистине геополитическое значение приобретает культивирование региональной идентичности гагаузов и учет ее энергетики в проведении внутренней и внешней политики Гагаузии. Мало кто из политической элиты и общественных деятелей Гагаузии, кроме бывшего башкана Гагаузии М.М. Формузала, новоизбранной И.Ф. Влах, и бывшего Председателя НСГ, ныне директора НИЦ им. М.В. Маруневич П.М. Пашалы , понимали и руководствовались в своей политической и научной деятельности энергией региональной идентичности гагаузов. Об этом феномене, как о серьезной поддержке в ходе избирательной кампании 2015 г., Ирина Федоровна Влах говорила накануне своего первого визита в Москву сразу после инаугурации. При этом она гарантировала, что, исходя из своей неизменной прогагауз-

ской позиции, «Руководство Гагаузии всячески будет способствовать тому, чтобы здесь создавались новые рабочие места, строились хорошие дороги, проводилось водоснабжение, продвигалась на экспорт местная продукция»[55].

Анализ исторических корней, оснований и функций этнорегиональной идентичности населения Гагаузии вселяет уверенность и надежду в подкреплении её правовой нормой. Напомню в связи с этим опыт России, в Конституции которой закреплены многие идентичности россиян.

Основы гражданской идентичности, в частности, закреплены ст. 6-й, согласно которой «каждый гражданин Российской Федерации обладает на её территории всеми правами и свободами и несёт равные обязанности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации».

Особая статья гарантирует широкие возможности индивидуального выбора национальной и языковой идентичностей каждого человека. «Каждый, – подчёркивает ст. 26-я, – вправе определять и указывать свою национальную принадлежность. Никто не может быть принуждён к определению и указанию своей национальной принадлежности». «Каждый, – согласно второй норме этой же самой статьи, – имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества». Ст. 68-я «гарантирует всем её народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития». Родной язык является результатом свободного индивидуального выбора каждого человека и не всегда совпадает с его этнической принадлежностью. Поэтому «родной язык народа» – скорее метафора, чем научная дефиниция. Если согласиться с нормой Конституции, автоматически приравнивающей это понятие понятию «язык своего народа», то очень трудно представить себе о каком языке «родном» или «своего народа» в приведённой статье идёт речь в тех случаях, когда часть народа, иногда от половины до трёх четвертей, родным признают язык не своего, а другого народа. Если, например, более половины немцев, корейцев и ряда других народов России считают родным не язык своего народа (немецкого, корейского), а русский, то вышеприведённая конституционная норма превращается, если не в нонсенс, то, по крайней мере, в ребус.

Наряду с гражданской, национальной и языковой, Конституцией признаны права и свободы на обладание и реализацию других форм самоидентификаций и идентичностей: конфессиональной («каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию, или не исповедовать никакой» – ст. 28-я), территориальной («каждый… имеет право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства» – ст. 27-я), коллективистской («каждый имеет право на объединение» – ст. 30-я), имущественной («каждый вправе

иметь имущество в собственности, пользоваться и распоряжаться им…» – ст. 35-я, «признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности» – ст. 8-я, в т.ч. частная собственность на землю – ст. 9-я).

Выборы башкана Гагаузии 2015 как текст

Действительно, отрицательная особенность беспрецедентной «кандидатской очереди» на должность башкана Гагаузии в 2015 г. свидетельствует по мнению ряда аналитиков о раздробленности политического поля и об отсутствии авторитетного лидера, способного консолидировать вокруг своей личности местные группы влияния и социальные прослойки. Вероятно, зерно истины в этой коннотации есть. Однако, у луны две стороны. В самом деле, с одной стороны, в гагаузском истеблишменте наблюдается глубокий раскол. Но, с другой стороны, профессионально зрелый корпус амбициозных политиков, с значительным социально-политическим и экономическим капиталом, наработанным в русском коммуникационном пространстве, позволяет политическим акторам не только бороться за высшую должность в автономном образовании, но и готовность взять на себя ответственность за судьбу страны и за вектор её внешнеполитической ориентации. В программных документах большинства соискателей кабинета башкана включены пункты о сохранении русского языка в коммуникационном пространстве Гагаузии и ориентации на сотрудничество с Таможенным Союзом. Следовательно, в обилии претендентов на пост башкана дело не столько в расколе, сколько в возросшем потенциале и профессиональном мастерстве политиков и общественных деятелей Гагаузской команды. Иными словами – это показатель политической зрелости социальной структуры гагаузского народа.

Немаловажную роль в творческом, успешном проведении избирательной кампании по выборам башкана Гагаузии сыграл Председатель Партии социалистов Республики Молдова Игорь Додон. На заседании политисполкома этой партии 04.02.2015 г. было принято единогласное решение о поддержке на выборах независимого кандидата Ирину Влах.

«Хочу подчеркнуть: – сказал И. Додон, – Партия социалистов поддерживает независимого кандидата. Не члена партии. Мы считаем, что следующий Башкан Гагаузии не должен быть членом политического формирования, а представлять весь гагаузский народ, вне зависимости от политических убеждений. У нас с Ириной Влах общие позиции. Мы вместе проводили в прошлом году в Гагаузии референдум о внешнеполитическом векторе»[56].

О решении ПСРМ поддержать кандидатуру Ирины Влах 6 февраля 2015 г. было сообщено Чрезвычайному и Полномочному послу Российской Федерации в Республике Молдова Фариту Мухаметшину во время встречи с ним Игоря Додона и Ирины Влах.

20 февраля состоялась встреча И. Влах и И. Додона с Председателем Нижней палаты российского парламента Сергеем Нарышкиным. Глава Госдумы отметил, что приветствует создание в парламенте Молдовы межфракционной группы, выступающей за евразийскую интеграцию, а Ирине Влах желает победы на выборах.

О том, что Москва следит за развитием этнополитической ситуации в Гагаузии, свидетельствуют слова С.Нарышкина: «На референдуме народ Гагаузии уже сделал свой геополитический выбор, и я думаю, нынешние выборы подтвердят его правильность», – подчеркнул С. Нарышкин[57].

При встрече с Председателем Государственной Думы России Сергеем Нарышкиным 20.02.2015 Ирина Влах, во-первых, пояснила, что в своей предвыборной программе она исходила из итогов всенародного референдума 02.02.2014 г., когда жители Гагаузии почти поголовно проголосовали за вхождение в Таможенный Союз и за восточный вектор развития Гагаузии в составе Молдовы, и, во-вторых, получила заверения С.Нарышкина в том, что «целый ряд инициатив и проектов, разработанных и предложенных Ириной Влах и направленных на развитие Гагаузии при привлечении российских инвестиций, укрепление гуманитарного сотрудничества и расширении межгосударственных связей, начнут воплощаться в жизнь после того, как она одержит победу на выборах и заслуженно займёт пост башкана»[58].

Во время встречи 5 марта 2015 г. независимого кандидата на пост главы Гагаузии Ирины Влах и председателя фрации социалистов парламента Молдовы Зинаиды Гречаной со спикером Совета Федерации ФС РФ Валентиной Матвиенко состоялся обстоятельный разговор о политической ситуации в Республике Молдова, где правящая коалиция праволиберальных партий продолжает курс на втягивание Молдовы в орбиту Запада, вопреки ясно выраженному стремлению народа Республики Молдова сблизиться с Россией.

В основу предвыборной платформы Ирины Влах был положен курс Гагаузии на дальнейшее широкое развитие экономических и культурных связей с регионами России. «В российском парламенте, в частности в Совете Федерации, – сказала Ирина Влах, – мы видим гаранта сохранения и развития взаимовыгодных связей между регионами… Уверена, что наша встреча станет отправной точкой в дальнейшем сотрудничестве». Валентина Матвиенко пожелала независимому кандидату Ирине Влах «успешно завершить избирательную кампанию и одержать победу на выборах главы автономии».

В. Матвиенко, в частности, обратила внимание на глубокое чувство региональной идентичности Ирины Влах, сказав о том, что её курс на вхождение в Таможенный Союз получает хорошую поддержку.

Победа Ирины Влах в борьбе за пост главы автономии имеет огромное значение в деле укрепления этнической идентичности гагаузов и региональной идентичности населения Гагаузии.

Нельзя не отметить, что в утверждение этих идентичностей огромный вклад внёс её предшественник на посту башкана автономного образования – Михаил Формузал. Талантливый политик и общественный деятель общегосударственного уровня, глубоко осознавший первостепенные задачи гагаузского нациестроительства, он оставил в наследство регион с хорошо налаженной системой жизнеобеспечения, коммуникационного общения, с традициями прозрачных методов управления и заботой о развитии гагаузского языка и культуры.

В его послании к народу автономии, озвученном 27 марта 2015 г. он резюмировал итоги своей деятельности по нациестроительству крылатой фразой «Гагаузы – не антиевропейцы». Это означало, коротко говоря, что не гагаузы ушли в Европу, а Европа оказалась в Гагаузии. В самом деле, он имел полное право сказать, что «последние восемь лет в Гагаузии укрепляются демократические институты, состав исполнительной власти в точности отражает национальный состав жителей региона (подчёркнуто мной – *М.Г.*), граждане имеют доступ к информации о деятельности руководства, а в автономии регистрируются новые СМИ». Особую роль в конституировании этнической и региональной идентичности населения Гагаузии сыграл его личный опыт по восстановлению в речевом поведении гагаузского языка и социально значимая поддержка научных изданий, благодаря которым создавался привлекательный образ прошлого, на основе которого формировалась доктринально обоснованная форма региональной сплочённости и этнической идентичности. В современных условиях нациестроительство как процесс образного символического обновления и обогащения народного достояния способно не только сохранять народные традиции и транслировать ценный этнокультурный опыт, но и конструировать реальный мир гагаузов, обеспечивая его энергией противостоя современным вызовам.

Отвергая обвинения недоброжелателей в адрес гагаузов якобы за их подверженности сепаратистским устремлениям и раскрывая формулу «Гагаузы – не антиевропейцы», М.М. Формузал аргументировано обосновывает стремление гагаузов как носителей региональной идентичности к самоорганизации и самоопределением их желанием «быть хозяевами на собственной земле и обустраивать свой дом в соответствии с национальными интересами народа», а при вза-

имном уважении и доверии молдавского и других народов, населяющих Гагаузию и Республику Молдова[59].

Несомненной заслугой М.М. Формузала является оставляемое им в наследство новоизбранному башкану «ухоженное поле» Гагаузии с хорошо налаженными экономическими и культурными связями с регионами России. Благодаря этим связям, как по проторенным тропам, 10 февраля 2015 г. было подписано соглашение о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве между правительством Москвоской области и Исполнительным Комитетом Гагаузской автономии. При подписании документа вице-губернатор Московской области Юрий Олейников обратил внимание на традиционный бренд, характеризующий образ Гагаузии в глазах россиян. Он, в частности, отмечал, что в Гагаузии производятся «прекрасные товары – вино, фрукты, овощи» и обещал «оказывать Гагаузской автономии содействие в организации и проведении торгово-экономических выставок, презентаций, саммитов, форумов на территории Московской области, помогать в привлечении инвесторов». Ирина Влах заявила, что высоко оценивает вклад Михаила Формузала и его команды в развитие жизненно важных связей и сотрудничества Гагаузии с Российской Федерацией в целом и с регионами в РФ в отдельности. И.Влах заверила российских чиновников в том, что она и её команда продолжат работу в данном направлении и приложат все усилия для того, чтобы отношения с Российской Федерацией и впредь развивались и укреплялись»[60].

Серьёзное внимание предвыборной кампании в Гагаузии уделяли в политических и административных кругах Турции. Так, будучи приглашённой в Турцию, Ирина Влах обсуждала с Государственным министром Турции Фарук Челик вопросы поддержки в Гагаузии сельскохозяйственного производства, здравоохранения, образования, преподавания и развития гагаузского языка и гагаузской культуры. О значении, придаваемом Турцией региону и региональной идентичности гагаузов, как опорной точке в консолидационных процессах тюркского мира, можно судить, в частности, о том, что при встрече Ирины Влах с председателем Департамента по вопросам содружества тюрков мира она была приглашена принять участие в расширении связей между тюрками, проживающими в диаспоре и ей была обещана всесторонняя поддержка гагаузскому региону.

О неподдельной заинтересованности Турции в налаживании стратегических связей с Гагаузией свидетельствует и весьма «ранний» визит министра иностранных дел Турции Мевлюта Чавушоглу. Он посетил Гагаузию 2 апреля 2015 г. с официальным визитом.

Не отстают от Турции и европейские дипломаты, оперативно прибывающие в Гагаузию с поздравлениями Ирины Влах. Так, например, при встрече

с главой офиса Совета Европы в Республике Молдова Хосе Луисом Эрреро были положительно оценены перспективные тенденции развития сотрудничества между гагаузским регионом и Советом Европы, и выразили готовность на интенсификацию взаимодействия[61].

Неприкрытое противодействие европейских структур, особенно некоторых соседних стран поддержке, оказываемой Ирине Влах со стороны депутатов и общественных деятелей России, популярных артистов, послужило катализатором для активизации дипломатической деятельности с целью усиления своего влияния на регион.

Поддержка кандидатуры Ирины Влах на пост главы Гагаузии со стороны России и Турции, повышенный интерес со стороны США и ряда европейских стран оказали благотворное влияние на потепление климата между регионом и Кишинёвом. К сближению с Евросоюзом склонял Ирину Влах председатель парламента Молдовы Андриан Канду после встречи с новоизбранной главой региона. Он заявил, что в ближайшее время будет создана рабочая группа по укреплению отношений между Кишинёвом и Комратом. «Мы готовы к плодотворному сотрудничеству, – сказал спикер молдавского парламента. – Есть много идей, которые могли бы способствовать развитию региона. Я уже говорил с коллегами из делегации ЕС и Совета Европы, которые готовы участвовать в ряде проектов, чтобы жители Гагаузии, равно как и всё население Молдовы, смогли в полной мере ощутить преимущества евроинтеграции»[62].

Два года – 2014 и 2015 гг. – это всего лишь фрагмент в этнической истории гагаузов, в их мотивированном стремлении добиваться права на самоорганизацию и самоопределение. Однако три события этой двух лет – референдум 02.02.2014, парламентские выборы 30.11.2014 и избирательная кампания по выборам башкана Гагаузии 22.03.2015 выявили мотивацию поступков и деятельности не отдельного человека, и не отдельной группы людей, а всего населения Гагаузии. В основе устойчивой пророссийской мотивации, коренящейся в почти двухвековом пребывании в составе императорской России, Советского Союза, в постоянной подпитке и поддержке своего духовного наследия ценностями русскоязычия и русской культуры лежит энергия самосохранения. Логика этнической истории гагаузского народа заключается в том, что благодаря русскому языку во второй половине XX в. состоялось форсированное приобщение к ценностям русской и мировой, в том числе политической и правовой культуры, складывание корпуса этнической элиты, взявшей в свои руки дело нациестроительства и построения своей государственности, пусть и в усеченной форме национально-территориального образования.

Важнейшим условием успешного проведения кадровой политики в соответствии с доктринальной основой национальной политики, направленной на

выравнивание национальных республик СССР, было назначение на пост первого секретаря ЦК компартии республики представителя титульной национальности. Одна из серьёзных ошибок М.С. Горбачёва состояла в замене первого секретаря ЦК компартии Казахстана казаха Динмухамеда Ахмедовича Кунаева в декабре 1986 г. русским Геннадием Васильевичем Колбиным. Эта замена послужила бикфордовым шнуром для воспламенения националистических настроений, сначала в Казахстане, а затем и в других союзных республиках, что в конечном итоге послужило одной из причин распада Советского Союза.

Между тем в 1986 г. пост полновластного хозяина Казахстана были готовы занять продвинутые и авторитетные деятели: председатель Совета министров Нурсултан Назарбаев и секретарь ЦК Компартии Казахстана, бывший председатель КГБ Казахстана Закаш Камалитденов. Последний по словам авторитетных мемуаристов «верно служил Кунаеву и старательно набирал очки в Москве. Главный его недостаток был в том, что добиваясь поддержки в ЦК КПСС, Закаш допустил грубые ошибки. Он хотел показать себя русским больше, чем сами русские. Некоторые его высказывания не могли не задеть национальных чувств казахов»[63].

Часть вторая

ЭТНОРЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В РУССКОЯЗЫЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ МОЛДОВЫ

Этнодемографическая и этноязыковая панорама

Опыт существования русскоязычного пространства в Молдавии иллюстрирует две тенденции, сходных и вместе с тем различных, в развитии языковой ситуации, каждая из которых обладает специфическими особенностями, вытекающими из восходящего или нисходящего вектора развития русскоязычного пространства.

На протяжении более двух столетий, начиная с Бухарестского мира, заключённого в мае 1812 г., согласно которому Бессарабия вошла в состав Императорской России, восходящая линия развития русскоязычного пространства характеризовалась нарастанием и уплотнением коммуникационных сфер функционирования русского языка и расширением речевого поведения русскоязычного населения.

Нисходящий вектор развития русскоязычного пространства Молдавии, начавшийся с «языковой революции» 1989 г., когда были приняты три закона о

функционировании языков в Молдавской республике, и продолжающийся до наших дней, состоит в последовательном сокращении коммуникационных сфер, обслуживаемых русским языком, эмиграцией части русского и русскоязычного населения в Россию и в другие страны, падением удельного веса русского языка в речевом поведении граждан нынешней Республики Молдова.

Исключением в этой социолингвистической и этнопсихологической истории, имевшей место на молдавской земле, составили три кратковременных лихолетия, когда часть Бессарабии (Южного Буджака) (1856–1878) или вся Бессарабия (1918–1940, 1941–1944) оказалась в составе королевской Румынии[64].

Важнейшей особенностью русскоязычного коммуникационного пространства было то, что внешняя история русского языка (его функциональное развитие) складывалась на спорной территории, которая после успешного старта румынского нациестроительства в 1862 г., завершившегося в 1881 г. созданием Румынского королевства, стала «яблоком раздора», объектом реального и символического соревнования и соперничества между Россией и Румынией[65].

Русскоязычное пространство Молдовы представляет собой часть Русского мира. Русские, украинцы, гагаузы, болгары, евреи и представители других национальностей, владеющие русским языком и использующие его в повседневной жизни и в официальных структурах, наряду с языком в той или иной мере разделяют и ценности русской культуры как интеллектуальной основы российской нации.

Своеобразие и драматизм современного функционирования русскоязычного пространства Молдовы состоит в том, что оно является одновременно неотъемлемой составной частью и молдавского, и российского нациестроительства.

По данным на 1 января 2011 г., население Республики Молдова составило 3 560 400 чел. (без учёта населения Приднестровья и муниципии Бендеры). С 5 по 12 октября 2004 г. в Республике Молдова была проведена первая независимая национальная перепись населения. Согласно полученным данным в стране проживало 3 383 332 чел., в т.ч. в городах 1 305 655 чел. (38,59%) и в сельской местности 2 077 677 человек (61,41%). За период с 1989 по 2004 гг. численность населения сократилась на 274 тыс. чел., или в среднем по 0,5% ежегодно, что было вызвано снижением рождаемости и эмиграцией.

В ходе Всеобщей переписи населения Молдовы, проведённой с 12 по 25 мая 2014 г., население страны, по предварительным данным, составило 2913 млн. чел. Согласно итогам переписи, 320,4 тыс. граждан РМ находится за границей, в основном на заработках. По данным «Инфотаг», это – втрое меньше неофициальных данных, согласно которым за рубежом находятся порядка 1 млн. жителей Молдовы. Большинство выехавших находят себе работу в городах и

регионах России и, как правило, свободно владея русским языком, входят в состав русскоязычного пространства Молдовы.

Примечательной особенностью переписи 2014 г. было отсутствие полного доверия граждан и общественности к её результатам. И хотя формально особых нарушений выявлено не было, однако, по словам директора Национального бюро статистики Лучии Стоялэ, некоторые люди просили переписать их ответы несколько раз. Переписчики прилагали двойные и тройные усилия, чтобы опросить население. «Люди заполняли анкеты, а на следующий день решали что-то в них изменить, звонили в центры переписи». Чиновники, близкие прорумынской политической элите, настойчиво внедряли в сознание масс мысль о том, что при проведении переписи надо равняться на европейские стандарты, согласно которым совсем не обязательно опрашивать поголовно всех жителей страны.

По мнению ряда экспертов, перепись населения Молдовы была проплачена Румынией и проведена под руководством криминальных структур, задача которых состояла в искусственной румынизации страны. Приведём одно из многочисленных сообщений из соцсетей. «Перепись населения в Кишинёве отныне проходит так: приходят к нам четверо людей… задают вопросы. Вы им честно и уверенно отвечаете, они записывают всё с ваших слов… ну с интереса, что ли просите их посмотреть, что написали… А в графе моей национальности – «румынка». Ну я и порвала у неё на глазах эту бюллетень… и забрала с собой, чтоб можно было это доказать. Ну а они побежали за мной. И у меня в дверях драться полезли… когда я их на видео снимала… Завтра окажется, что пол нашей страны румыны, с такой переписью… А послезавтра и мы в Румынии проснёмся!!!!»[66].

Недоверие к методике, доктринальной основе и итогам переписи 2014 г. привело к тому, что руководство Гагаузии приняло решение провести в регионе свою перепись. «Складывается впечатление, – заявил башкан Гагаузии Михаил Формузал, – что задача переписи занизить процент малых народов и национальных меньшинств, проживающих в Молдове. Это, по меньшей мере, странно, потому что каждый год в Гагаузии увеличивается рождаемость. Мы посмотрим на результаты переписи, после чего, если будет необходимо, проведём собственную перепись в автономии»[67].

Одна из важнейших, поистине стратегических задач переписи 2014 г. по мысли её организаторов и спонсоров состояла в том, чтобы максимально «румынизировать» этнодемографическую и этноязыковую ситуацию в стране и до предела сократить масштабы русскоязычия. Это прекрасно осознавали избиратели, отдавшие свои голоса на парламентских выборах 30.11.2014 за партию социалистов, основной лозунг которых состоял в развороте Молдовы в сторону Таможенного Союза. Лидер этой партии, бывший сподвижник В. Воронина по

партии КПРМ, Игорь Дадон «потребовал аннулировать результаты прошедшей переписи в Молдове в связи с многочисленными жалобами и нарушениями»[68].

Большинство населения Молдовы (без учёта ПМР) составили молдаване – 75,8%. При этом с 1989 г. по 2004 г. их численность увеличилась на 5,9%.

Представители четырёх наиболее многочисленных национальностей после молдаван, в т.ч. украинцы (282 406), русские (201 219), гагаузы (147 500) и болгары (65 662), практически поголовно владеющие русским языком, составляли одну пятую (20,6%) часть русскоязычного пространства. В русскоязычное пространство вовлечены представители остальных малочисленных национальностей (цыган, евреев, поляков), а также тех, кто в разработочных таблицах опубликованных материалов были отнесены в две графы: «другие» и «национальность не указана». Их численность составила 48 421 чел.

По явно заниженным данным, русским языком свободно владело 1 347 647 чел. (39,8%) и ещё 128 372 чел. (3,8%) обычно разговаривало на русском языке в повседневной практике. Трудно поверить, что более 13,7 тыс. русских не знали русский язык и обычно разговаривали на каком-либо ином языке. Следовательно, можно считать, что по самым приблизительным расчётам около половины населения Республики Молдова, по данным даже предвзято проведённой переписи населения, входило в русскоязычное коммуникационное пространство.

Сфера образования

Хорошо структурированная система образования в Республике Молдова согласно третьему по счёту постсоветскому Кодексу об образовании, принятому парламентом 17 июля 2014 г., состоит из нулевого уровня, включающего преддошкольное и дошкольное образование, и 8 последующих уровней, охватывающих начальное, среднее с циклом гимназического и лицейского образования вместе с профессионально-техническим образованием, двумя уровнями послесреднего и профессионально-технического, трёхуровневого высшего образования, в т.ч. лиценциатуры, магистратуры, докторантуры. Обязательное (по закону) образование начинается с подготовительной группы дошкольного образования и завершается лицейским или средним и послесредним профессионально-техническим образованием. Требование обязательного посещения учреждений образовательной сферы прекращается в возрасте 18 лет.

Относительно полнокровно изложены в Кодексе об образовании принципы государственной политики в области образования, культуртрегерские и социальные ориентиры и гуманистический идеал образования. Миссией образо-

вания, согласно ст. 5-й, декларированы «удовлетворение образовательной потребности личности и общества», «развитие человеческого потенциала для обеспечения качества жизни, устойчивого развития экономики и благосостояния народа», «развитие национальной культуры», «продвижение культурного диалога, терпимости, недискриминации и социальной интеграции». Особой статьёй в Кодексе об образовании дана дефиниция образовательного идеала, состоящего «в формировании инициативной и способной к саморазвитию личности, которая обладает не только системой знаний и необходимых компетенций для востребованности на рынке труда, но и независимостью мнений и действий, открытостью к межкультурному диалогу в контексте освоенных национальных и мировых ценностей»[69].

Однако «гладко было на бумаге…», составители Кодекса забыли про русскоязычное коммуникационное пространство, про интересы и потребности русского и гагаузского населения, о проживании в республике Молдова представителей многих национальных меньшинств.

Вопреки справедливым и красивым демократическим принципам, щедро перечисленным в ст. 7-й Кодекса, таким, в частности, как принцип релевантности, т.е. соответствия потребностям личностного и социально-экономического развития, свободы мышления и независимости от идеологий, религиозных догм и политических доктрин, обеспечение равенства, прозрачности и публичной ответственности, буквально в ряде последующих статей каждый из указанных принципов нарушается в самом тексте документа.

При внимательном прочтении 157 статей, внесенных в Кодекс, как в Основной закон, призванный обеспечить реализацию всех манифестированных благородных норм, принципов функционирования сферы образования, непредвзятому читателю видно, что многие из них противоречат ранее принятой Конституции Республики Молдова, не содержат гарантии сохранения мира и солидарности между молдаванами, гагаузами и представителями других национальностей страны, выводят за скобки русскоязычного коммуникационного пространства русский язык и унизительно перечисляют его после румынского, английского и французского языков, вводят в школьную программу «уроки бизнеса» и «занятия бизнесом» (ст. 139-я) с целью воспитания предпринимательской хватки вместо повышения уровня культуры и обеспечения условий для оптимальной социализации подрастающих поколений, ограничивают доступ представителям национальных меньшинств в высшие учебные заведения и тем самым препятствуют созданию гармоничной социальной структуры молдавского общества как сбалансированной основы стабильности этнополитической ситуации и прочности межэтнических отношений.

Не ставя перед собой задачу анализа всех норм новоявленного молдавского Кодекса об образовании, обратим внимание лишь на ряд статей, несущих в себе разрушительный для гражданского общества заряд, угрозу политической структуре государства, дискриминационный посыл в адрес национальных меньшинств.

Курс на румынизацию русскоязычного пространства ясно и недвусмысленно обозначен в 7-м пункте ст. 9-й Кодекса: «Государство гарантирует формирование и развитие навыков эффективного общения на румынском языке, по обстоятельствам – на языках национальных меньшинств и по меньшей мере на двух языках международного общения». Напомню, что согласно Конституции Республики Молдова, принятой 29 июля 1994 г. «Государственным языком Республики Молдова является молдавский (а не румынский – *М.Г.*) язык, функционирующий на основе латинской графики»[70].

Юридическая основа по дискриминации русского языка и русскоязычной части населения Молдовы заложена в туманной формуле: «в рамках возможностей образовательной системы». Раскрывая её имплицитно выраженную дискриминационную угрозу, депутат молдавского парламента И.Ф. Влах пишет: «да, государство гарантирует преподавание болгарского языка в школах Тараклийского района и гагаузского – в автономии, но лишь в рамках возможностей. А государство у нас бедное, на всех денег не хватает. Поэтому если в будущем учебном году эти предметы будут исключены… ну что ж, такие вот ограниченные возможности нашей образовательной системы, скажут нам чиновники»[71].

Специальным 8-м пунктом ст. 9-й Кодекс устанавливает, что «Государство обеспечивает условия и формирование навыков общения на английском, французском и русском языках». И снова мы видим в Кодексе нарушение Конституции Республики Молдовы, в которой заложена государственная забота и гарантия русскому языку. Ему посвящён отдельный пункт, что свидетельствует об уважительном к нему отношении: «Государство признаёт и охраняет право на сохранение, развитие и функционирование русского языка и других языков, используемых на территории страны»[72].

Номинированный в Кодексе государственный статус румынского языка вместо закреплённого в Конституции молдавского, служит основой для этнической переидентификации молдаван и других национальностей в румын. Несколько норм, содержащихся в Кодексе, в т.ч. обязательное изучение румынского языка в качестве государственного на всех уровнях образовательной сферы, создаёт необходимые условия для румынизации русскоязычного пространства. В ущерб развитию и функционированию русского языка, в частности, направлены гарантии унионистского руководства румынскому языку. «Изучение румын-

ского языка, – говорится в 3-м пункте 10-й ст., – обязательно во всех образовательных учреждениях любого уровня… Государство, согласно следующему пункту этой же статьи, – обеспечивает необходимые условия для изучения румынского языка во всех образовательных учреждениях, в том числе за счёт увеличения доли дисциплин, изучаемых на румынском языке, в общеобразовательных учреждениях с другим языком преподавания».

Курс на румынизацию, заложенный в основу Кодекса об образовании, противоречит не только молдавской Конституции, но и ряду законодательных актов. «Создается впечатление, – отмечал Олег Бабенко, – что Кодекс подготовило не Министерство просвещения, а либералы Анна Гуцу и Виталия Павличенко. Кодекс исключил русский язык из списка обязательных школьных предметов. <…> Однако по закону «О функционировании языков на территории Молдавской ССР» от 01.09.1989 г. четко сформулировано, что «Молдавская ССР обеспечивает на своей территории условия для использования и развития русского языка как языка межнационального общения в СССР, а также языков других национальностей, проживающих в республике».

Более того, имеет смысл напомнить, что «Правовые условия применения русского языка и языков национальностей, проживающих в Республике Молдова, предусмотрены и в других законодательных актах. Например, в ст. 5-й закона «О правах лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, и правовом статусе их организации» от 19.07.2001 г.: «Государство обязуется содействовать созданию необходимых условий для сохранения, развития и выражения этнической, культурной, языковой и религиозной самобытности лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам», «Государство обеспечивает проведение научных исследований по истории, языку, и культуре национальных меньшинств». В ст. 6-й (п. 1) «Государство гарантирует реализацию прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, получать дошкольное воспитание, начальное, среднее (общее и профессиональное), высшее и постуниверситетское образование на молдавском и на русском языках и создает условия для реализации их прав на воспитание и обучение на родном языке (украинском, гагаузском, болгарском, иврите, идише и др.)».

<…> «Право граждан выбирать язык обучения предусматривает и подписанный Республикой Молдова документ Совета Европы ‘Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств’. Ст. 10-я гласит ‘Стороны обязуются признавать за любым лицом, принадлежащим к национальному меньшинству, право свободно и беспрепятственно пользоваться языком своего меньшинства устно и письменно в частной жизни и публично’. Таким образом, ущемление прав родителей в выборе языка обучения их детей и сужение сферы применения русского

языка противоречат перечисленным законам как Республики Молдова, так и международным законам»[73].

В сфере школьного образования молодые специалисты русского языка не могут найти работу. С одной стороны, постоянно сокращается количество школ и численность учеников, в которых преподавание ведётся на русском языке или он преподаётся как предмет. С другой стороны, в условиях экономического кризиса вышедшие на пенсию учителя продолжают работать, отнимая у молодёжи часы школьной программы[74].

В Кишинёве сокращается подготовка преподавателей русского языка и литературы. Специалисты считают, что в ближайшее время преподаватели русского языка будут такой же редкостью, как космонавты.

В 2014 г. в Молдавском государственном университете не стало первого курса филологического факультета на русском языке, т.к. не набрали студентов. Такая же ситуация сложилась в Славянском университете, в котором только на русском отделении филологического факультета было набрано несколько человек первокурсников.

Численность студентов, получающих образование на русском языке, сократилась за пятилетний период между 2008 и 2013 гг. на 13 695 чел. В результате доля студентов, обучающихся в вузах с румынским языком преподавания, увеличилась с 72,5% до 82,6%, а доля русскоязычных студентов за этот же период снизилась с 25,9 до 15,7%[75].

Несмотря на потери русскоязычного пространства в сфере школьного и вузовского образования, эксперты не теряют надежды на сохранение и некоторую стабилизацию позиций русского языка. Определённую надежду вселяют итоги парламентских выборов 30 ноября 2014 г., в ходе которых Либеральная партия, возглавляемая адептом румынизма и румынизации Михаем Гимпу, потерпела сокрушительное поражение, получив 13 мандатов. Победу одержала «Партия социалистов Республики Молдова». Она получила 25 мандатов. Вместе с партией коммунистов, собравшей урожай голосов, достаточных для обретения 21 мандата, она занимает более лояльную позицию по отношению к русскому языку и ориентирована на Таможенный Союз.

Противодействие правящей молдавской элиты в деле подготовки специалистов русского языка и литературы идёт по нескольким направлениям. Во-первых, ужесточаются правила приёмных экзаменов. Так, например, в 2014 г. 40% выпускников не смогли сдать экзамен на степень бакалавра. Чиновники министерства просвещения, являющие собой оплот румынизма и румынизации, объясняют это слабой подготовкой абитуриентов. Однако сторонники русскоязычного пространства объясняют провал своих детей зверскими методами

приёма вступительных экзаменов, которые проходят под контролем металлоискателей, видеокамер, и железной дисциплиной, не позволяющей подчас выпускникам лицеев и абитуриентам выйти даже в туалет.

Драконовские методы приёма экзаменов по русскому языку вызывают стрессы и аннулирование работ. В 2014 г. около 12 тыс. выпускников, потенциальных студентов университетов, были лишены дипломов, без которых путь в университет закрыт. При явной нехватке университетов, всего 30 вузов на Кишинёв с его 800-тысячным населением, происходит дискредитация самой идеи высшего образования: принимают двоечников, выпускают недоучек, которые покидают сферу образования, чаще всего вследствие того, что не могут трудоустроиться и т.п.

В парламентской Комиссии по образованию раздаются голоса о переходе на частное финансирование. «Почему, – спрашивает дама-депутат либеральной партии, возглавляющая молдавскую делегацию ПАСЕ, – мы их должны финансировать из госбюджета?»[76].

Согласно принятому Кодексу об образовании, в школах с молдавским языком обучения русский язык будет изучаться в качестве иностранного наряду с английским или французским. После того, как в соседней стране президентом избрали этнического немца, в Кишинёве пошли слухи и разговоры о расширении изучения немецкого языка. Фактический доступ к высшему образованию в стране ставится в зависимость от финансовых возможностей, что служит дополнительным основанием для дискриминации по этническому принципу и прежде всего содействует сокращению русскоязычного коммуникационного пространства.

Русский язык стал необязательным предметом в молдавских школах, а английский – обязательным. Данная политическая норма содержится в новом Кодексе об образовании, принятом правящими партиями ДПМ, ЛДПМ и ЛП, и вступившим в силу в воскресенье 23 ноября 2014 г., и с этого же дня прекращается действие закона об образовании от 21 июля 1995 г.

Справедливости ради необходимо подчеркнуть, что в политическом истеблишменте Молдовы нет единства в безоговорочном «выдавливании» русского языка из коммуникационного пространства страны. Так, например, летом 2014 г. накануне парламентских выборов председатель Демпартии Мариан Лупу, выступая в эфире одного из телеканалов, заявил, что государственным языком Молдовы является молдавский язык, а не румынский. А русский язык должен изучаться в школах в обязательном порядке. «Мы против исключения русского языка из списка языков обязательного изучения. Считаю, что необходимо иметь три обязательных иностранных языка для изучения: английский, французский и русский».

«Кроме того, ДПМ, – сказал её председатель, – предлагает включить в Кодекс предмет История Республики Молдова: «Это неправильно, что предмет называется История румын. Вы слышали, что где-то изучается история французов?».

Лидер ЛДПМ Владимир Филат в преддверии выборов дальновидно предпочёл не обозначать свою позицию по данному вопросу. Когда в прямом эфире его спросили, должен ли русский язык оставаться обязательным для изучения в школах Молдовы, он от ответа уклонился: «Дело не в русском языке, а в подходе. Нельзя смотреть только на одну статью. Кодекс об образовании – жизненно важный. Все должны понимать – это реформа не для политиков, министров, начальников, а для наших детей. Вы извините, я не отвечу конкретно на Ваш вопрос»[77].

Использование сферы образования в качестве полигона румынизации представляет исключительную опасность для функционирования русскоязычного пространства. О реальных масштабах этой сферы можно судить по тому, что образовательные услуги в стране обеспечивают 35 вузов, 51 колледж, 1551 школа, гимназия и лицей, 1295 детских садов и 56 детских лагерей. В системе образования трудятся 36 тыс. воспитателей, учителей, профессорско-преподавательских кадров[78].

Доктринальная основа образовательной политики, заложенная в новом Кодексе об образовании, не лишена лукавства. Ориентация на румынизацию в ней основывается не только на ущемлении интересов и прав русскоязычного населения и на сокращении русскоязычного пространства, но и на переориентации стратегии воспитательного процесса с задач гражданского и патриотического воспитания на воспитание в подрастающих поколениях духа предпринимательства. Евроинтеграторская политическая элита, настроенная на ликвидацию молдавской государственности и на вхождение Молдовы в состав Румынии, понятное дело, не заинтересована в формировании среди населения гражданской идентичности. И, следовательно, в успешном продвижении молдавского нациестроительства. Не стоит удивляться, что более половины молдавской молодёжи намерены покинуть пределы страны и поселиться на постоянное место жительства в зарубежных странах.

СМИ: пропаганда румынизма и русофобии

При проведении переписи населения в Республике Молдова с 12 по 25 мая 2014 г. была организована беспрецедентная широкомасштабная кампания по информированию и зомбированию населения. Пропагандистская машина унио-

нистов работала на полную мощность, призывая всех, кто говорит на молдавском, указывать, что они румыны. Напомним, что у этой кампании был весьма солидный этноязыковой задел. По данным переписи десятилетней давности (2004 г.), 481 503 чел., т.е. 18,8% молдаван, назвали себя молдаванами, но при этом родным указали румынский язык. Дополнительный вес и значимость этой интриге придавали ещё 475 126 молдаван (18,5%), указавших в ходе той же переписи румынский язык «языком, на котором обычно разговаривают»[79].

Несмотря на прямолинейность и наивность лозунгов и призывов к румынизации, выражаемых представителями крайнего румынизма, как идеологической основы унионизма, имеющего своих адептов не только в Бухаресте, но и в Кишинёве, выходило, что если все молдаване или их значительное большинство, признают румынский язык своим родным языком, Республика Молдова потеряет шанс на существование в качестве суверенного государства и должна быть имплантирована в состав соседнего государства, чтобы стать частью великой румынской нации[80].

Согласно предварительным данным переписи населения 2014 г., опубликованным рядом молдавских СМИ, 56,8% жителей республики назвали себя молдаванами, 23,2% – румынами, 7,6% – украинцами, 5,5% – русскими, 3,9% – гагаузами, 1,6% – болгарами. По данным тех же источников, около 40% назвали своим родным языком румынский, 38% – молдавский, 13% – русский. Обращает на себя внимание и вызывает сомнение значительное увеличение численности лиц с румынской идентичностью и с родным румынским языком. Создаётся впечатление, что почти 17% лиц нерумынской национальности назвали родным языком румынский язык. Явно завышенные данные по румынизации вызвали скандал. Национальное бюро статистики Республики Молдовы вынуждено было распространить сообщение, согласно которому указанные данные якобы были переданы в редакции СМИ с некоего фальшивого почтового ящика, к которому НБС не имеет отношения, и ответственности за достоверность этих данных не несёт. Директор НБС Лучия Стоялэ пояснила, что обработка данных по этнической и языковой принадлежности жителей ещё не завершена и поэтому окончательно официальная информация на этот счёт будет представлена позже[81].

В первые годы накануне и после развала Советского Союза популярными в молдавских СМИ были антирусские лозунги: «Ворбиць тоць ла лимба ромынэ» («Все говорите по румынски»); «Чемодан – вокзал – Магадан», «Евреев в Днестр, русских за Днестр», «Молдова фэрэ рушии» («Молдова без русских»).

По мере укрепления во власти прорумынски настроенных политических деятелей либеральной, либерально-демократической и других ассоциированных партий и группировок расширилось наступление на позиции русского языка и на

сферы русскоязычного пространства. Красноречивым примером может служить запрет демонстрировать кино на русском языке.

Таким способом прорумынское руководство Республики Молдовы надеется получить дополнительный шанс и условие для румынизации русскоязычного пространства, сохранения и расширения численности носителей румынской идентичности. Однако в этом, как и в других типологически сходных языковых сферах, (СМИ, театр, наука, отдых, литература и т.д.) над национальной идентичностью возникает угроза, не обязательно из-за специальных козней против русскоговорящей коммуникационной среды, а скорее всего по экономическим причинам, когда гражданам приходится отправляться в другие страны, чтобы в иноэтничной иноязыковой среде найти себе работу.

Директор фонда «Содружество» Борис Шаповалов считает, что «Проблем у российских соотечественников, проживающих в Молдове, много. Прежде всего, это пресловутая языковая проблема. Нас постоянно стремятся лишить права на использование родного языка как средства межнационального общения, использования его в бизнесе, рекламе, образовании, общественной жизни и других сферах. В связи с этим нарушаются основные конституционные, трудовые и личные права всех русскоязычных граждан Молдовы. О проблемах русскоязычного населения будет идти предметный разговор на конференции. Основные вопросы для обсуждения обозначены организаторами конференции»[82].

Что касается запрета русского языка в кино, на телевидении, то, как заметили молдавские аналитики: «В учебных целях люди не ходят и не будут ходить в кинотеатры»[83].

Более того, правы эксперты, считающие что «из-под палки никто ничего учить не будет»… Бывшие жители Молдавской ССР, два миллиона которых уже давно осели в других странах, выучили языки нового места жительства и занятости: русский, итальянский, португальский, немецкий и др. Дальновидные молдавские общественные деятели хорошо понимают губительные для Молдавии последствия языковой румынизации. Вот как комментирует инициативу молдавских властей по «языковой реформе» кинематографической отрасли главный редактор РИА «Днестр» Роман Коноплев: «Для русской диаспоры, – пишет он, – разумеется, можно закрутить гайки – убрать русский язык не только из кинотеатров, но и, скажем, из кабельных сетей. Затем можно закрыть газеты, выходящие на русском. Так можно очень далеко зайти. Кто-то это, разумеется, переживет спокойно. На митинги русские не пойдут – просто соберутся и уедут. А члены правительства, лоббирующие подобные вещи, останутся в объятиях обиженных сумасшедших; министром культуры, может быть, назначат Дабижу. И с та-

кими, как Дабижа или Цибуляк, будут дальше копать яму своей репутации. Над ними не будет смеяться весь мир, большинство стран Европы, потому что после того, что происходило в Европе в середине прошлого века, подобное уже не смешно. Таким политикам стыдно пожимать руку, и, пожалуй, её не пожмёт и Барак Обама»[84].

После обретения независимости в Молдове резко изменилось соотношение выпускаемой печатной продукции. Если в 1985 г. на молдавском языке выходило 33,7% книг и 32% журналов, то менее чем через 10 лет, в 1996 г., доля тиража и брошюр на румынском языке составила 85,8%[85].

Особым усердием в пропаганде румынизма и внедрении чувств русофобии отличается молдавское общественное телевидение. Неслучайно депутаты парламента от прорумынского Альянса «За европейскую интеграцию» запретили оглашать в стенах парламента итоги расследования его деятельности, проведённого общественной организацией «Молдова без нацизма», изобличившего авторов телепередач в откровенном манипулировании и в подтасовке фактов. Так, например, по свидетельству главного редактора газеты «Пульс» Дмитрия Каврука, при создании фильма под названием «Голгофа Бессарабии», по заказу молдавского министерства культуры, «документальные кадры из архива Министерства пропаганды нацистской Германии, взяты из очень известного советского антифашистского фильма, получившего награды на европейских кинофестивалях – ‘Обыкновенный фашизм’ Михаила Ромма. По замыслу авторов фильма, эта картина («Голгофа Бессарабии» – *М.Г.*) должна доказать зрителю, что коммунизм – хуже фашизма, что в конечном итоге такие вещи, как уничтожение румынской армией мирного населения, истребление сотен тысяч евреев и цыган на нашей земле – все это вынужденные меры на пути борьбы с большевиками. Или другой вариант: лучше вообще не признавать, что такие вещи как Холокост имели место». <…>

Далее Дмитрий Каврук подчеркнул, что «любой новостной сюжет, любое ток-шоу общественного телеканала ‘Молдова 1’, посвященный таким датам, как вхождение Бессарабии в состав Российской Империи, занятие Молдовы советскими войсками в 40-м году, а также освещение событий, происходящих в Молдове по этим поводам – это образец <…> откровенного подыгрывания тем, для кого Россия – это исчадие ада, а русскоязычные граждане Молдовы – большая проблема, которую надо как-то решить». «Но это – только половина беды: во всех материалах и сюжетах на такие исторические темы ‘Молдова 1’ дает полный карт-бланш тем, кто открыто отрицает право молдавского государства на существование. Этот телеканал крайне благосклонен к тем, кто считает, что молдаване, это всего лишь бессарабские румыны, а Молдавия – румынская зем-

ля. И движение к этой 'святой цели' списывает все: и Холокост, проведенный в Молдавии Антонеску, и участие Румынии в войне на стороне гитлеровской Германии, и нынешние требования ограничить права национальных меньшинств, явно мешающих, стоящих на пути 'Унири'»[86].

Многие эксперты приводят убедительные факты о том, что «В Молдавии идет наступление на русский язык. Осенью 2014 г. правительство Молдавии официально объявило, что русский язык исключается из списка обязательных для изучения предметов. А Координационный совет по телерадиовещанию Молдавии запретил на территории республики вещание сразу всех телеканалов, ретранслирующих российские новостные программы. В связи с этим, российские соотечественники, проживающие в Молдавии выступили с заявлением по такому дискриминационному решению»[87].

Наука

С особым рвением изгоняется русский язык из сферы образования, СМИ и науки. Руководство АНМ рекомендует редакторам журналов по общественным наукам создавать приоритетные условия для румынского и английского языков в ущерб статьям и материалам, поступающим в редакционный портфель на русском языке. Так, например, в одном из последних номеров ведущего журнала молдавских этнологов, социальных антропологов и искусствоведов «Revista de etnologie si cultorologie, vol. XVI, Ch. 2014» из 21 статьи 7 опубликовано на английском языке, в т.ч. три статьи сотрудников ИЭА РАН, переведённых с русского языка, ещё 6 статей – на румынском, и только 8 статей на русском языке. Между тем до недавнего времени интернациональный редакционный совет и редколлегия издавали журнал в основном на русском языке, не ущемляя интересов русскоязычного населения и адресуя публикуемые материалы широкому кругу читателей.

Анализ языкового репертуара электронных страниц органов власти позволяет выявить картину последовательной румынизации. Так, например, на сайтах правительства и администрации президента содержатся переводы на русский язык. Однако о документах и особенно стенограммах высшей законодательной власти, в т.ч. о работе народных избранников, можно прочитать только на румынском, английском и французском языках. В министерствах и ведомствах коммуникационная обстановка характеризуется едва ли не тотальным речевым поведением на румынском языке, хотя на самом деле многие чиновники говорят на родном молдавском языке[88]. (Румынский и молдавский языки различаются между собой, но адепты румынизма считают, что это один язык.)

Одна из задач румынизации науки и сферы научной деятельности состоит в вычёркивании из истории молдавского народа и молдавского государства участия в ней представителей национальных меньшинств. Не трудно понять логику этой стратегии. Она состояла раньше и продолжает иметь место и сегодня, в ограничении доступа этой категории в высшие эшелоны власти, что приводит к созданию социальной напряжённости.

Как и во многих сопредельных с Россией странах, вопросы происхождения народов, особенно утвердивших конституционное право титульной нации, в Молдавии вопросы этногенеза молдаван привели к расколу молдавского общества, о чём неоднозначно писал выдающийся молдавский историк и этнолог В.Н. Стати[89].

Молдавские учёные, работающие в сфере гуманитарного знания, не могут не принимать в расчёт позицию высших руководителей Молдавской Академии наук. Крупный общественный резонанс в общественном мнении и в сетях интернета, в частности, вызвало выступление на торжественном заседании в румынской Академии наук главы АНМ Георгия Дука, высказавшегося за продолжение «великого проекта» объединения Бессарабии и Румынии. «Бессарабия, – говорил президент АНМ, – нашла своё естественное место в рамках национального унитарного румынского государства, полностью участвовала в культурной и научной жизни Румынии межвоенного периода»[90].

Однако в прессе прозвучало и другое мнение: «учёным не стоит заниматься политикой. У них есть более достойное дело – наука. И поскольку вопрос о происхождении молдаван и молдавского государства давно стал камнем преткновения и разделил общество практически на два лагеря, то ему как человеку, занимающему публичную должность, – главы Академии наук Молдовы, а значит обязанному понимать, что его слова могут иметь резонанс, не стоит подливать масла в огонь и нагнетать обстановку вокруг этой темы»[91].

Координационный совет организаций российских соотечественников Молдовы, Приднестровья и Гагаузии от имени национальных меньшинств обратился к кандидату на должность премьер-министра Ю. Лянкэ с требованием при формировании нового Кабинета министров предусмотреть в его составе представителей немолдавского этноса, как того требует национальное законодательство, а также Организация Объединенных Наций. Как известно, ООН указала на эту дискриминационную практику – отсутствие представителей национальных меньшинств в национальном правительстве – еще в 2010 г.

В письме Координационного совета (03.02.2015 г.) подчеркивается, что «практически весь постперестроечный период центральная власть в Молдове формировалась по мононациональному принципу. Это вызывало справедливые

нарекания национальных меньшинств, составляющих треть всего населения республики. Не будучи вовлеченными в процессы государственного строительства и управления, национальные меньшинства не чувствовали своей ответственности за дела в стране, что негативно влияет как на интеграцию этнических групп в молдавское общество, так и на результативность всей государственной деятельности в Молдове»[92].

Язык делопроизводства и госучреждений

С приходом к власти партий прорумынской ориентации во властных структурах речевое поведение чиновников стало в основном моноязычным. Все официальные мероприятия проводятся на государственном языке, который при этом именуется румынским, а не молдавским. Лишь в ходе предвыборных кампаний оказывается, что молдавские политики и общественные деятели обращаются к избирателям на русском языке. Известный специалист по русскому языку, ректор Славянского университета, профессор Татьяна Млечко, автор книги «Русская языковая личность ближнего зарубежья» выделяет две очевидные в официальном коммуникационном пространстве потери: это, по её словам, официальная сфера и письменная речь молодежи.

Сокращение масштабов русскоязычного пространства, особенно в сферах школьного образования, издательской деятельности, в науке и литературе оказывает негативное влияние на качество владения русским языком и на его развитие. Широкое распространение при румынизации русского языка получает, в частности, такое позорное явление, как двойное полуязычие, когда люди плохо владеют и первым и вторым, и молдавским (румынским) и русским языком. В повседневной жизни можно, например, услышать образцы двойного полуязычия: «Сходи в алиментару, купи плачинты, дам их за поману, скоро уже будем готовиться к куматрии, это надо обсудить с нанашами» («Сходи в продовольственный магазин, купи плачинты, дам их за помин души, скоро уже будем готовить крестины, это надо обсудить с посажёными родителями».)[93]

Политика и практика русофобии

Русофобия молдавского (унионистского) розлива – это доктринальная идеология, официальная политика и повседневная практика, воспитывающая неприязнь к русскоязычному коммуникационному пространству, к русским, истории и культуре русского народа и Российского государства. Она наносит вред Республике Молдова, дестабилизирует этнополитическую ситуацию, раз-

рушает исторически сложившиеся позитивные традиции межэтнических отношений, роняет имидж Молдовы и харизму молдаван перед лицом мировой общественности.

В конечном счёте русофобия прорумынски настроенной части политической, научной, художественной и культурной элиты Молдовы – это признак слабости молдавской государственности, показатель политической незрелости правящего альянса «За европейскую интеграцию», индикатор инфантильности социальной структуры молдавской нации и отсутствие чёткой программы молдавского нациестроительства, – это, наконец, отказ молдавских румынистов от значительной части национального культурного наследия, созданного многими поколениями выдающихся молдавских деятелей на древнерусском, а в новейшее, в т.ч. в советское время, на русском языке.

В литературе встречается немало интерпретаций русофобии как «страшной болезни», однако нет сколько-нибудь обстоятельного диагноза исторических предпосылок и исследования новейших причин её возникновения, не показано, в чём состоит её социальная и антропологическая ущербность, не предложены рецепты излечения и пути преодоления. Некоторые её причины трудно устранимы: например, этнополитический разлом между крупными империями, в воронку которого втягиваются малочисленные народы и мелкие этнические группировки. В соперничестве между сложившимися крупнокалиберными нациями-государствами проявляются риски и страхи как источники ксенофобии. Феномен молдавской русофобии, рождённый между Россией и Румынией, далеко не единственный пример.

В разломах между империями, в пограничных зонах и ареалах, образуется среда с этнически разнородным составом населения и неустоявшейся этнической идентичностью. Маргинальное состояние этнокультурной идентичности выступает немаловажным фактором ксенофобии. Такими, в частности, были истоки молдавской русофобии в начале XX в., накануне празднования 100-летия со времени вхождения Бессарабии в состав Императорской России. Она коренилась в том, что «публичная сфера» т.е. коммуникационное пространство в Бессарабии в те годы «была почти исключительно русской и русскоязычной»[94].

Важную роль в нагнетании русофобии в постсоветском пространстве играет идеологическая борьба США против СССР и его наследницы – России. Показателями цивилизационного противостояния между США и Россией являются «молдавский майдан» в апреле 2009 г. и украинский в 2014 г. Каждый майдан, подпитанный исторической ложью и политическим заказом, катализировал антирусскую и антироссийскую истерию. Культивированию русофобии способствует не только внешний фактор – заинтересованность США во враждебном от-

ношении Молдовы и Украины к России, но и внутренний фактор, в роли которого выступают некоторые политические деятели и олигархи, зависимые от западных советников и благодетелей.

В деидеологизированном постсоветском обществе обманутые люди чувствуют свою беспомощность. Низкая политическая культура населения, как следствие деидеологизации, становится легко восприимчивой для распространения русофобии под руководством внешних инвесторов и СМИ.

В личностном плане русофобия коренится в неутолённой социально-персональной значимости индивида, если таковую понимать как одну из базовых потребностей человека. Так, например, согласно итогам социально-психологических исследований установлено, что *гордость* представляет собой переживание человеком своей значимости в системе коммуникационного пространства. С особой силой она актуализируется в условиях гипертрофированного, завышенного ощущения своей этнической идентичности и чаще всего проявляется среди представителей малочисленных народов и экономически бедных наций. Особенно это характерно для тех случаев, когда у человека, кроме национальной гордости, ничего нет, «что могло бы придать ему значимость среди других граждан, вовлечённых вместе с ним в общий коммуникационный процесс»[95].

Страх перед русским языком и российской культурой, одновременно и ревность к ней, порождает русофобию. Однако и то и другое имеют под собой реальные социальные мотивы. Переориентация на европейскую интеграцию подпитывается внедрением мифологемы, заимствованной из румынских учебников межвоенного периода, о генетическом родстве молдаван с легендарными Ромулом и Ремом.

Русофобия коренится в слабой конкурентоспособности кишинёвской элиты, перед приднестровской и гагаузской элитами, набравшими интеллектуальную силу, социальный и этнокультурный вес, и готовность к равноправному диалогу с кишинёвской элитой, страхующей себя законодательными актами и монополией молдавского (румынского) языка.

Благодаря русскому языку, открывающему доступ к ценностям мировой культуры, образования и науки, русскоязычное население Молдавии накануне распада СССР стремительно наращивало свой мобилизационный потенциал и адаптационные возможности. Приднестровские лидеры и общественные деятели Гагаузии оперативно реагировали и отвечали на вызовы глобализации и переустройство миропорядка.

Ещё одним немаловажным фактором молдавской русофобии, как части ксенофобии, является неспособность правящего режима установить атмосферу и

практику доверия в стране, навести порядок в этнополитической и межэтнической ситуации. Неудачи в экономической, финансовой сфере, рост безработицы и обнищание широких народных масс русофобы списывают на «тяжёлое советское наследие» и на итоги «русификаторской политики» Кремля.

С особой активностью волны русофобии накатили на кишинёвских сторонников унионизма Молдовы в связи с воссоединением Крыма с Россией после референдума 2014 г., а также в связи с рекомендациями экспертов и видных деятелей мирового сообщества преодолеть кризис, вызванный Майданом и продолжать украинское нациестроительство на основе федерализации и официально признанного двуязычия.

Особенно велик удельный вес откровенных русофобов среди части молдавской художественной интеллигенции, прежде всего среди поэтов, писателей и лиц, близких окололитературным кругам и кабинетам министерства просвещения и молодёжи, министерства культуры и туризма. «О мёртвых плохо не говорят, – говорил руководитель отделения Молдавии и Приднестровья Ассоциации православных политологов России Владимир Букарский, – Даже об очень плохих. Но о тех мёртвых, на совести которых жизни тысяч людей – говорят плохо. Григорий Виеру <…> вошёл в историю как идеолог самого крайнего проявления русофобии, зоологической ненависти к России и всему русскому. Благодаря таким людям, как Виеру, Лари, Хадыркэ, Дабижа и прочие недорумынские ‘литераторы’ (недорумынские – потому как в самой Румынии их никогда не признáют в качестве полноценных румын) виноваты в кровопролитной приднестровской войне и в распаде единого молдавского государства». Несколько лет тому назад, когда в Кишинёве начинался сбор подписей за переименование улицы Пушкина в честь Виеру, Владимир Букарский говорил, что «Переименовать эту улицу не рискнули даже румынские оккупанты». В своё время в поддержку переименования одной из центральных улиц Кишинёва в честь Григория Виеру выступал известный композитор Евгений Дога. «Великий Виеру, – патетически говорил композитор, – заслуживает, чтобы улица в центре Кишинёва носила его имя»[96].

«Если на деньги американского народа в Кишиневе будут печататься русофобские тексты, то это будет лучшим вкладом в продвижение интересов России в Молдове. В госдепе могут думать, что с помощью русофобии они противодействуют ‘русской пропаганде’, но на самом деле, они будут, как когда-то ‘Цара’, только лить воду на мельницу этой пропаганды. Россия сэкономит деньги, которые вынут из кармана американских налогоплательщиков»[97].

Наряду с современными меркантильными интересами молдавских писателей и поэтов, имеющими в Румынии в разы более широкую читательскую

аудиторию на румынском языке по сравнению с численностью молдавских читателей, молдавская русофобия, подобно украинской, имеет свои исторические корни.

Румынская русофобия, как предтеча молдавской, зарождалась под воздействием нациестроительства в Румынии при прямом активном содействии западных держав, и, в первую очередь, – Австрийской империи Габсбургов.

«Несмотря на то, что в советские времена Молдавия и Украина были одними из самых благополучных республик бывшего СССР, усилиями которого практически была создана, например, молдавская художественная элита (Эмиль Лотяну, Ион Друцэ, Емелиан Буков, Евгений Дога, Михаил Волонтир и многие другие) сегодня молдавская и украинская русофобия взаимно подпитывают и катализируют друг друга. В литературе, науке и искусстве это находит выражение в том, что «Сегодня в обеих странах это вытравливается из памяти, а государственная пропаганда акцентирует внимание исключительно на негативных сторонах: репрессии, коллективизация, голод, депортации, 'русификация', утрата самобытности <…>

<…> В Молдове, как и на Украине, – пишет Михаил Пасичнык, – за 23 постсоветских года выросло целое поколение, воспитанное в духе воинствующей русофобии по учебным программам, разработанным ещё в начале 90-х, причём зачастую намного западнее Киева и Кишинёва. Учебники по 'истории румын' в Республике Молдова в части культивирования ненависти к России мало чем отличаются от украинских учебников истории. Сегодня эта молодёжь, зомбированная школой и телевидением, является главной ударной силой Запада по недопущению крена стран в сторону России. У США и ЕС есть в наличии эффективная дубинка против постсоветских элит под названием 'Майдан'»[98].

Молдавская и украинская русофобии, как уже отмечалось, имеют не только межгосударственную, но и внутригосударственную направленность. Киевская и кишинёвская элиты не могут найти оптимальные формы диалога с региональными лидерами, не принимают в расчёт этнокультурные интересы населения Крыма и Новороссии на Украине, задачи нациестроительства в молдавской Гагаузии. Называя носителей региональной идентичности сепаратистами, молдавские и украинские русофобы культивируют антироссийские и антирегионалистские настроения и тем самым подталкивают свои страны к этническому и региональному расколу.

«Вместе с тем между двумя странами существуют и различия. В Молдове нет такой многовековой традиции русофобии, как на Украине. В Молдове она распространена в значительно меньшей степени и в основном охватывает элитарные круги. Для основной части молдавского народа национализм гораздо ме-

нее характерен, чем для украинских народных масс, ставших объектом целенаправленной многовековой антироссийской пропаганды»[99].

«Если Украина, – продолжает свой анализ Михаил Пасичнык, – является участницей горячего конфликта, то на территориях, оспаривающих своё пребывание в составе прозападной Молдовы, в Приднестровье и Гагаузии, конфликты происходят в тлеющей форме. Горячие конфликты на территории бывшей Молдавской ССР уже имели место 20 лет назад. Приднестровье уже испытало на себе весь ужас гражданского конфликта, включая городскую войну с массовой гибелью мирных жителей. Но, как оказалось, это всего лишь цветочки по сравнению с тем, что сегодня испытывает Донбасс»[100].

Активная и настойчивая пропаганда русофобии, внедряемая в сознание масс адептами румынизма, порождает, а также реанимирует бытовавшую в отдельных регионах Бессарабии в межвоенный период румынофобию. Немаловажную роль в возрождении румынофобии в последние годы играет недальновидная политика правящего режима Бухареста. Прежде всего речь идёт о призывах бывшего президента Румынии Траяна Бэсеску о ликвидации молдавского государства и о включении Молдовы в состав Румынии.

«Некоторые местные политики и их электоральные сторонники, называющие себя ‘молдавскими патриотами’, всех румын – скопом, только за то, что они румыны! – огульно обвиняют во всевозможных преступлениях – против Молдавии, против России, против других стран и народов, не трудясь приводить при этом сколько-нибудь весомые доказательства, не делая никакой разницы между румынским народом и румынскими политиками», – пишет известный молдавский политолог Виталий Андриевский[101]. В обстоятельной, цитируемой здесь статье В. Андриевский затрагивает лишь некоторые аспекты наиболее массовых и поэтому наиболее опасных своими последствиями фобий, получивших распространение в постсоветском молдавском обществе.

Вместе с тем имеют место и другие фобии – гагаузофобия, молдавофобия, приднестровофобия и ряд других зловредных фобий, омрачающих повседневную жизнь граждан, дестабилизирующих этнополитическую ситуацию в стране и размывающих почву межэтнического доверия, толерантности и солидарности.

Заключение

Итак, на рубеже XX–XXI столетий можно выделить три ключевые вехи в снижении правового статуса и в сокращении социолингвистических масштабов

употребления русского языка в Республике Молдова с параллельно идущим усилением русофобии.

На первом этапе, в ходе «языковой революции» 1989 г., когда были приняты три «языковых» закона, в том числе законодательное установление идентичности молдавского и румынского языков, перевод письменности с кириллицы на латиницу и придание только молдавскому языку статуса государственного языка. Одновременно с низведением статуса русского языка до «языка межнационального общения», не имеющего к тому же юридической силы по причине того, что язык межнационального общения не может быть субъектом права, так как люди сами выбирают наиболее удобный язык для межэтнических коммуникаций. Накануне и после выхода из состава СССР в республике началась беспрецедентная массированная пропаганда доктринальной востребованности и ценностей румынизма в ущерб молдовенизму, при общем отрицательном отношении к культурному наследию и истории молдавского народа, а также непризнание самобытности и автохтонности этнонима «молдаване» и автоглоттонима «лимба молдовеняскэ»[102].

Второй этап обозначился молдавским мини-Майданом 7 апреля 2009 г., когда в результате попытки государственного переворота политическая элита Молдавии раскололась на сторонников Евроинтеграции («Альянс за Евроинтеграцию») и Таможенного Союза. Соответственно первые взяли курс на борьбу с русским языком, на нагнетание русофобии и на самоуничтожение молдавской самобытности, на переидентификацию молдаван в румын.

Известные основания для смены идентичности в первом десятилетии нового тысячелетия были выявлены в ходе переписи населения 2004 г. Почти полмиллиона молдаван указало родным румынский язык, что стало вполне реальной основой для раскола молдавского народа. Заблудившись в поисках своей языковой идентичности, эта часть молдавского народа послужила не только горьким упрёком радикально настроенным этническим мобилизаторам из «Народного Фронта Молдовы», но и серьёзным уроком для трезвомыслящих политиков, желающих процветания молдавскому народу.

Индикатором третьего этапа языковой политики по разрушению русскоязычного коммуникационного пространства стало принятие (с третьего захода) молдавским парламентом 17 июля 2014 г. Кодекса об образовании. Центральным нервом этого документа стало исключение русского языка из числа обязательных предметов в школах с молдавским языком обучения и одновременно залпом по языковой жизни русскоязычного населения. Обращает на себя внимание, что этот Кодекс, продолжающий наступление на правовые основы и позиции русского языка, был принят, во-первых, после первых двух кодексов

(1995, 2008 гг.), дававших некоторые гарантии существования русского языка, и, во-вторых, депутаты парламента проголосовали накануне грядущих в ноябре 2014 г. парламентских выборов.

Нетрудно назвать главных разрушителей русскоязычного коммуникационного пространства в Молдавии. Наряду с непосредственными составителями и непреклонными противниками русскоязычия – это Анна Гуцу, а также министр просвещения Майя Санду и её заместитель Лилиана Николаеску-Онофрей. Ответственность за «выдавливание» русского языка из языковой жизни населения Республики Молдова несут Владимир Филат, Владимир Плахотнюк, Юрий Лянкэ, Николай Тимофти, Игорь Корман, Юрий Чокан, Валерий Троенко[103].

Все три модели отношения молдавской политической элиты к русскому языку не содержат в себе какую-то лингвистическую основу. Они представляют собой социальный ресурс, используемый в качестве социального капитала, удобного для усиления конкурентоспособности.

На разных этапах истории молдавская элита использовала знание того или иного языка для пребывания во власти и участия в дележе ресурсов. Так, например, в первой половине XVII в., в период наибольшего усиления культурного влияния Польши на политическую и культурную жизнь Молдавии, вторым языком молдавской элиты был польский язык[104].

В XX в. в межвоенный период и в первые послевоенные десятилетия вплоть до «хрущёвской оттепели» и «брежневского застоя» фактором успешной профессиональной социализации и политической мобилизации для молдавской элиты служило знание и употребление русского языка. Накануне развала СССР, когда русский язык стал конкурентообразующим фактором для лиц немолдавской национальности в силу всеобщего роста образовательного уровня, молдавская элита поменяла карты и правила игры. «Любовь» к русскому языку уступила страсти по родному языку, который ради пущей убедительности был заменён румынским.

Однако по истечении четверти века после провозглашения независимости и фронтального вытеснения русского языка из коммуникационного русскоязычного пространства, «дети» молдавской неокоренизации не сумели консолидировать своё политическое влияние и добиться значительных успехов в деле румынизации молдаван в ущерб интересам русского языка и русскоязычного пространства.

Итак, при знакомстве с условиями и основными фактами зарождения и проявления молдавской русофобии, возникает вопрос о степени её опасности и деструктивном заряде для молдавской государственности, оказавшейся в геополитическом провале между соперничающими США и Россией. Молдавская ру-

софобия, направленная в конечном счёте на политическую элиту России, а не на русских и не на народы Российской Федерации, сама по себе не является преступлением. Преступлением она становится в тот момент, когда становится ориентиром и призывом к действию по разрушению молдавской государственности, взяв на вооружение доктринальную основу сепаратизма и участие в воссоздании «Великой Румынии». В этом случае крайне неуместными и неловкими выглядят молдавские русофобы, обвиняющие гагаузов и гагаузскую политическую элиту в сепаратизме. Это классический случай, многократно раскрытый русской пословицей, когда громче всех кричит: «Держите вора!» сам вор. Современная психиатрия установила, что больше всего ненавидят гомосексуалистов скрытые гомосеки, т.е. те кто самому себе в этом неохотно признаётся.

Трагические последствия русофобии особенно чувствительными оказались на Украине, столкнув её в экономический коллапс, в межрегиональный развал, а в конечном счёте, – ввергнув в социальные потрясения и в гражданскую войну, в «быдлизацию» её бесценного культурного наследия. Вряд ли допустимо думать, что русофобия может содействовать успешному молдавскому и украинскому нациестроительству.

Молдавскую русофобию, как социальную болезнь, нельзя лечить какой-либо другой болезнью. Деидеологизированное состояние, навязанное либеральными адептами России, также обернулось болезнью и безуспешными поисками русской идеи. И если политические, научные и художественные элиты не могут предложить лекарство от русофобии, надо самому народу «работать» во имя своего излечения. Начинать с простого понимания: если в русскоязычном коммуникационном пространстве граждане разговаривают на русском языке, это не значит, что они выступают против молдавской культуры и против молдавского нациестроительства. И, наоборот, если граждане Республики Молдова разговаривают на государственном (молдавском) языке, это не значит, что они выступают против русской культуры.

Сохранение и поддержка русскоязычного коммуникационного пространства предполагает наличие инициатив, уличных акций и митингов, действий по объединению в общественные организации, общественные дискуссии, формирование политических партий не по олигархическому порядку, а на принципах социального, культурного и психологического соидентизма. Наконец, не соглашаться с тем, что лозунгом межэтнического сосуществования могут служить нежизнеспособные призывы типа: «Молдова для молдаван», или «Украина для украинцев». Для того, чтобы извлечь смертоносное жало ядовитой русофобии из доктринальной основы молдавского нациестроительства, надо взять на вооружение задачу по смещению акцента из межэтнического противостояния в обще-

ственный и политический диалог между русскоязычным и молдавоязычным населением.

Доктрина русофобии не содержит в себе привлекательного посыла для единения населения страны. Если бы адепты альянса «За Европейскую интеграцию» стремились стать конструкторами молдавского нациестроительства, то логичнее было бы использование в их программе дружелюбной риторики, подобной, например, советской доктрине «семьи народов». Однако откровенно высказываемое недоверие политическим лидерам Гагаузии в течение четверти века не свидетельствует о готовности Кишинёва включать гагаузский народ в «семью братских народов Молдовы».

Никаких противопоказаний для единения и сближения молдавского народа с представителями малочисленных народов не существует. При конструировании молдавского нациестроительства фундаментом нации может служить духовная общность, выраженная в православии, в общих исторических корнях, в принадлежности к единому пространству Российской императорской и советской культуры.

Создание в Республике Молдова «единой семьи народов» не противоречит исторической традиции и динамике совместного проживания народов на протяжении многих веков зажатых между Османской, Российской и Австро-Венгерской империями. Не трудно допустить, что корни современной нервозности и русофобии молдавской элиты залегают в страхах, рождённых этим географическим пространством, в котором сталкивались геополитические интересы великих держав.

Несмотря на провосточный курс, ориентированный на расширение торговых и культурных связей с Таможенным Союзом и получивший общественное одобрение на референдуме 02.02.2014, гагаузский политический истеблишмент продемонстрировал лояльность молдавскому государству в связи с его 655-летним юбилеем.

Символическим знаком лояльности гагаузов по отношению к целостности молдавской нации и Республики Молдова нашло выражение в организации международной конференции и в издании её материалов отдельной книгой.

Этнокультурная акция с этнополитическим привкусом в рамках гагаузского национального проекта получила серьёзный общественный резонанс. Она показала политическую зрелость гагаузских элит в деле понимания нравственной силы, призванной поддерживать контакты между элитами Комрата и Кишинёва во имя справедливого сотрудничества гагаузского и молдавского народов.

Типологическое сходство этнорегиональных идентичностей как фрагментов исторической и этнополитической истории Крыма и Приднестровья од-

ним из первых осознал известный приднестровский исследователь Н.В. Бабилунга. К этим близнецам-братьям вполне логично добавить и сходную судьбу носителей этнорегиональной идентичности – болгар и гагаузов, освоивших Буджакские степи в течение более двух столетий, сначала под короной Императорской России, а затем в составе Советского Союза. «Одной из центральных проблем Восточного вопроса, – как отмечал ещё на закате XX в. Н.В. Бабилунга, – является судьба земель в Северном Причерноморье, в том числе прошлое и будущее территории Крыма и Приднестровья»[105].

Передо мной не стояла специальная задача выявления и детального анализа общих черт для каждого из этих многонациональных анклавов, на протяжении длительного времени являющихся, во-первых, перекрёстком передвижений народных масс различного этногенетического происхождения и образа жизни, во-вторых, волею судьбы ставших свидетелями ослабления и распада сначала шестивековой Османской империи, а затем двухсотлетней Императорской России.

Моя цель состояла в том, чтобы указать на роль географического фактора, наряду с историческими и политическими обстоятельствами, в становлении и развитии этнорегиональной идентичности крымчан, приднестровцев и гагаузов на основе групповой солидарности.

Географические границы каждого региона, очерченные в одном случае рекой Днестр, в другом – берегами Чёрного моря, а в третьем – пределами Буджака, хотя и разделённого до сих пор государственными границами, играли не менее важную роль, чем турбулентная ситуация, возникшая после распада Советского Союза.

Литература

1. *Абалмасова Н.Е., Паин Э.А.* 2014. Модели конструирования территориальной идентичности. С. 439–445 // gmu.hse.ru>data/12/11/26/1301605965/439_pdf

2. *Ангели Ф.А.* 2006. Гагаузская автономия. Люди и факты (1989–2005 гг.). Кишинев. 260 с.

3. *Андриевский В.* 2014. Фобии в Молдавии: русофобия, румынофобия… // http://inosmi. ru/sngbaltia/20140110/216381912.html

4. *Арутюнян Ю.В.* 1972. Социально-культурные аспекты развития и сближения наций в СССР. Программа, методика и перспективы исследований // Советская этнография. № 3. С. 3–19.

5. *Бабенко О.* 2014. Гора родила мышь или ещё один неудавшийся кодекс образования [http://argument.md/archives/3559]

6. *Бабилунга Н.В.* 2003. Тайна приднестровского феномена // Феномен Приднестровья. Тирасполь. С. 177–188.

7. *Бабилунга Н.В.* 1999. Территориальная идентичность как фактор политической стабильности // Этническая мобилизация и межэтническая интеграция. Москва. С. 185–194.

8. *Башляр Г.* 2014. Избранное. Поэтика пространства. Москва.

9. Бессарабия на перекрёстке Европейской дипломатии. Документы и материалы / Под ред. В.Н. Виноградова. М., 1996.

10. *Бобков Ф.Д.* 1995. // КГБ и власть. М.: Изд-во «Ветеран МП» // http://www.nomad.su/ ?a=15=200212110022

11. В познании этнического фактора // Русин. 2006. № 4 (6).

12. *Васильева Г.* 2014. В Молдове прикусили русский язык // www.pan.md/news/v-moldove-prikusili-russkiy-yazik/4922

13. *Влах И.Ф.* 2008. Государственная служба: векторы и технологии её взаимодействия с институтами гражданского общества // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 4 / Под общей редакцией М.Н. Губогло. Москва. С. 89–96.

14. *Влах И.Ф.* 2009. Местная демократия и её реализация // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 5 / Под общей редакцией М.Н. Губогло. Москва. С. 188–194.

15. *Влах И.Ф.* 2007. Принципы Конституции, определяющие деятельность основных государственных служб Республики Молдова // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 2 / Под общей редакцией М.Н. Губогло. Москва. С. 35–42.

16. *Головнева Е.В.* 2013. Региональная идентичность как форма коллективной идентичности и ее структура // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. № 5.

17. *Грек И.Ф., Руссев Н.Д.* 2011. 1812 – поворотный год в истории Буджака и «задунайских переселенцев». Кишинёв. 142 с.

18. *Гросул В.Я.* 1997. Система управления Молдавии в составе России // Национальные окраины в составе России (XVII – начало XX вв.). Москва.

19. *Губогло М.Н.* 1968. Этнокультурные данные о кочевом прошлом гагаузов // Археология, этнография и искусствоведение Молдавии. Кишинёв. С. 51–60.

20. *Губогло М.Н.* 1979. Развитие двуязычия в Молдавии. Кишинёв.

21. *Губогло М.Н.* 1984. Современные этноязыковые процессы в СССР. Основные факторы и тенденции развития национально-русского двуязычия. Москва. 288 с.

22. *Губогло М.Н.* 1995. Три линии национальной политики в посткоммунистической России // Этнографическое обозрение. № 5–6.

23. *Губогло М.Н.* 1997. Федерализм власти и власть федерализма // Федерализм власти и власть федерализма / Сост. А.Н.Аринин (рук.) и др. / Отв.ред. М.Н. Губогло. Москва. С. 108–148.

24. *Губогло М.Н.* 2004. Контуры этнополитической социолингвистики // Междисциплинарные исследования в контексте социокультурной антропологии. Москва. С. 40–75.

25. *Губогло М.Н.* 2004. Русский язык в этнополитической истории гагаузов (Вторая половина XX в.). Москва. 432 с.

26. *Губогло М.Н.* 2006. Именем языка. Очерки этнокультурной и этнополитической жизни гагаузов. Москва. 498 с.

27. *Губогло М.Н.* 2007. Русский язык – национальное достояние народов России // Русский язык в странах СНГ и Балтии. Москва. С. 48–58.

28. *Губогло М.Н.* 2010. Языковая жизнь молдаван в постсоветский период // Молдаване / Отв. ред. М.Н. Губогло, В.А. Дергачёв. Москва. С. 95–106.

29. *Губогло М.Н.* 2013. Сполохи прошлого – блики будущего. Автобиографические затеси. Т. 2. Кишинёв. 760 с.

30. *Губогло М.Н.* 2014 а. Страсти по доверию. Опыт этнополитического исследования референдума в Гагаузии. Москва. 214 с.

31. *Губогло М.Н.* 2014 б. Энергия доверия. Опыт этносоциологического исследования референдума в Крыму. Кишинев. 222 с.

32. *Губогло М.Н.* (Отв. ред.). 2006–2010. Курсом развивающейся Молдовы: В 10 т. Москва.

33. *Губогло М.Н., Старченко Р.А.* 2014. Языковая жизнь и региональная идентичность крымчан – оплот антиукраинизации (Из опыта этносоциологических исследований в Крыму 2013 г.). Москва. 72 с.

34. *Евстифеева Е.А., Кочергин М.С.* 2007. Междисциплинарный и психологический дискурс о справедливости // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. № 3. С. 39–42.

35. Забытые страницы истории Южной Бессарабии (1856–1861) / Сост. И.Ф. Грек / Отв. ред П.М. Шорников. Кишинев, 2012. 232 с.

36. История края как поле конструирования региональной идентичности. Волгоград, 2008.

37. *Канарш.* 2011. Социальная справедливость: философские концепции и российская ситуация. Москва. 236 с.

38. *Квилинкова Е.Н.* 2007. Традиционная культура гагаузов: этнорегиональные особенности. Кишинёв. 840 с.

39. *Колоссов В.А., Заяц Д.В.* 2001. Молдова и Приднестровье: национальное строительство, территориальные идентичности, перспективы разрешения конфликта // Вестник Евразии. Вып. 1.

40. *Коноплёв Р.* 2010. Русофобия – это болезнь // http://www.moldovanova.md/ru/comments/show/372

41. *Котляр Ф.* 2005. Маркетинг мест. СПб.

42. *Крылов М.П.* 2005. Региональная идентичность в Европейской России // Социологические исследования. № 3. С. 13–23.

43. *Крылов М.П.* 2006. Современная российская региональная идентичность. Общество и пространство. Теоретико-методологические и дискуссионные вопросы // Изв. РГО. Т. 138. Вып. 6. С. 19–28.

44. *Крылов М.П.* 2010. Региональная идентичность в Европейской России. Москва.

45. *Кушко А., Таки В., Гром О.* 2012. Бессарабия в составе Российской империи. 1812–1917. М.: Новое литературное обозрение. 400 с.

46. *Литвиненко А., Якименко Ю.* 2008. Русскоязычные граждане Украины: «воображаемое сообщество» как оно есть // «Зеркало недели. Украина» №18, 16 мая. // http://gazeta.zn.ua/POLITICS/russkoyazychnye_grazhdane_ukrainy_voobrazhaemoe_soobschestvo_kak_ono_est.html

47. *Лысенко В.С.* 2015. Потребность в социально-персональной значимости – базовая потребность человека // Независимая газета. 11 февраля. С. 14.

48. *Малинова О.Ю.* 2010. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Политические исследования. № 2. С. 90–105.

49. *Млечко Т.* 2010. Пространство русского языка в Молдове (20 лет Закону о функционировании языков на территории Республики Молдова // Сб. докладов Международной конференции «Русский язык в коммуникативном пространстве Содружества Независимых Государств». Москва.

50. *Млечко Т.* 2012. Русская языковая личность в социокультурном измерении новой диаспоры // Слово. Ру. Балтийский акцент. Вып. 2. // http://journals.kantiana.ru/journals/slovoru/1232/3489/

51. Может ли двуглавый орел летать с одним крылом? Размышления о законотворчестве в сфере этногосударственных отношений. М., 2000.

52. Молдаване. 2010 / Отв. ред. М.Н. Губогло, В.А. Дергачёв. Москва.

53. *Никогло Д.Е.* 2007. Этнокультурные мотивы в поэзии С.С. Курогло // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 3. Москва. С. 376–390.

54. *Никогло Д.Е.* 2010. Восприятие Буджака в творчестве гагаузских и болгарских поэтов // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 10 / Под общ. ред. М.Н. Губогло. Москва. С. 283–299.

55. Новые Конституции стран СНГ и Балтии. 1997. Сб. документов. Москва.

56. *Пименов В.В.* 1977. Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса. Ленинград. 262 с.

57. *Прокофьев А.В.* 2006. Социальная справедливость: нормативное содержание и история становления понятия // http://ethics.iph.ras.ru/research /prokofiev_1.html

58. *Рикер П.* 2005. Справедливое. Москва.

59. *Ролз Д.* 2006. Справедливость как честность // Логос. № 1 (52).

60. *Романов А.А.* 2008. Дискурс справедливости в социальной коммуникации // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. Т. 1. № 11. С. 7-10 // http://tverlingua.ru.archive/011/1_2_11.htm

61. *Роулз Дж.* 1995. Теория справедливости. Новосибирск.

62. *Семёнова Ю.* 2014. Молдаване теряют образование на русском языке // www.russkiymir. ru/media/magazines/article/152379

63. *Смирнягин Л.В.* 2007. О региональной идентичности // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. М., Смоленск. Вып. 17. С. 21–49.

64. *Согомонов А.* 2010. Современный город: стратегия идентичности // Неприкосновенный запас. № 2. С. 244–254.

65. *Сорочяну Е.С.* 2009. Народный календарь как форма социальной регуляции (Этнолингвистический аспект) // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 5. Москва. С. 377–391.

66. *Стати В.Н.* 2003. История Молдовы. Кишинёв. 480 с.

67. *Стати В.* 2009. Молдаване. Историческое и этнополитическое исследование. Кишинёв. 488 с.

68. *Стати В.Н.* 2010. От волохов к молдаванам. Молдавский язык // Молдаване / Отв. ред. М.Н. Губогло, В.А. Дергачёв. Москва. С. 43–94.

69. *Суляк С.* 2007. Русская культура – многовековое достояние народов Молдавии // Русин. № 3(9). С. 5–14.

70. *Суляк С.* 2010. Русский язык в Молдавии // Русин. № 3.

71. *Трофимов А.М., Шарыгин М.Д., Исмаилов Н.Н.* 2008. Территориальная идентификация в географии и вернакулярные районы // Геогр. вестник. № 1 (7). С. 5.

72. *Тулянцев И.* 2014. Новый кодекс об образовании в РМ вернёт времена Антонеску // http://beta-press.ru/newsitem/11742

73. *Туровский Р.Ф.* 2003. Соотношение культурных ландшафтов и региональной идентичности в современной России. СПб.: Геликон плюс. С. 139–173.

74. Федерализм власти и власть федерализма. 1997 / Сост. А.Н. Аринин. Отв.ред. М.Н.Губогло. Москва.

75. *Федотова Л.В.* 2007. Природно-географическая и экологическая панорама Буджака – среда обитания гагаузов // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 2 / Под общей редакцией М.Н. Губогло. Москва. С. 53–74.

76. *Флоря К.* 2014. Кодекс об образовании: бизнес-навыки вместо патриотизма // http://www.noi.md/ru/news_id/43592

77. *Формузал М.М.* 2008. Стабильность и мобильность – гаранты продвинутости // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 4 / Под общей редакцией М.Н. Губогло. Москва. С. 67–88.

78. *Формузал М.М.* 2007. Феномен Гагаузии: истоки и горизонты развития (Этнополитическое эссе) // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 2 / Под общей ред. М.Н. Губогло. Москва. С. 43–52.

Черепахин Ю. Русофобия смертельная болезнь для Украины (памятка украинскому патриоту). 2013 // Академия Тринитаризма. Москва. Эл № 77-6567, публ. 17951, 19.03.2013 // http://www.belyelebedi.lt/index.php/ru/ articles/838

79. *Чешко С.В.* 2001. Кризис доктрины самоопределения // Этнографическое Обозрение. № 2. С. 3–17.

80. *Чуркин В.* Народ Крыма имеет право на самоопределение // http://newsland.com/news/detail/id/1339476

81. *Шамилева Р.К.* 2005. Либеральная концепция справедливости: миф или реальность? // Социально-гуманитарные знания. № 6.

82. *Шамилева Р.К.* 2004. Модели справедливости в современной либеральной теории Запада. Москва. Москва : МАКС Пресс. 260 с.

83. *Шаповалов Б.* Чего хотят русские Молдовы? Интернет-ресурс. (Какой?)

84. *Шафаревич И.Р.* 1983. Русофобия. Вече. № 32,33.

85. *Шафаревич И.Р.* 1990. Русофобия. Вестник Академии Наук СССР. № 1.

86. Этническая мобилизация и межэтническая интеграция. 1999 / Сост. и отв.ред. М.Н. Губогло. Москва. 397 с.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] http://www.terme.ru/dictionary/191/word /spravedlivost.

[2] http://old.drugie.ru/page/1/3771/publ.

[3] Федерализм власти и власть федерализма. М., 1997.

[4] http://old.drugie.ru/page/1/3771/publ

[5] *Никогло Д.Е.* Этнокультурные мотивы в поэзии С.С. Курогло // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 3. М., 2007; *Никогло Д.Е.* Восприятие Буджака в творчестве гагаузских и болгарских поэтов // там же. Т. 10 / Под общ. ред. М.Н. Губогло. М., 2010.

[6] *Формузал М.М.* Феномен Гагаузии и горизонты развития (этнополитическое эссе) // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 2 / Под общей редакцией М.Н. Губогло. М., 2007. С. 43–52; его же: Стабильность и мобильность – гаранты продвинутости // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 4 / Под общей редакцией М.Н. Губогло. М., 2008. С. 67–88; *Влах И.В.* Принципы конституции, определяющие деятельность основных государственных служб Республики Молдова (некоторые теоретические рассуждения) // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 2 / Под общей редакцией М.Н. Губогло. М., 2007. С. 35–42; она же. Государственная служба: векторы и технологии её взаимодействия с институтами гражданского общества // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 4 / Под общей редакцией М.Н. Губогло. М., 2008. С. 89–96; Местная демократия и её реализация // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 5 / Под общей редакцией М.Н. Губогло. М., 2009. С. 188–194.

[7] *Губогло М.Н.* Страсти по доверию. Опыт этнополитического исследования референдума в Гагаузии. М., 2014; его же. Энергия доверия. Опыт этносоциологического исследования референдума в Крыму. Кишинев, 2014.

[8] *Фукуяма Ф.* Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2004.

[9] *Губогло М.Н.* Три линии национальной политики в посткоммунистической России // Этнографическое обозре-

ние. 1995. № 5–6; его же. Федерализм власти и власть федерализма // Федерализм власти и власть федерализма / Сост. А.Н.Аринин (рук.) и др. / Отв. ред. М.Н. Губогло. М., 1997. С. 124.

[10] *Чешко С.В.* Кризис доктрины самоопределения // Этнографическое обозрение. 2001. № 2. С. 3–17.

[11] Там же.

[12] Там же.

[13] Там же.

[14] Там же.

[15] http://www.versia.am/president-rossii-v-v-putin-v-hode-vizita-v-krym-prizval-mirovoe-soobshchestvo-uvazat-pravo-narodov-na-samoopredelenie-vizit-v-krym-glavy-osudili-ssha-nato-es-i-ukraina

[16] http://newsland.com/news/detail/id/1339476

[17] http:// http://famous-scientists.ru/list/10058

[18] *Губогло М.Н.* Идентификация идентичности, М., «Наука», 2003.

[19] *Крылов М.П.* Региональная идентичность в Европейской России // Социологические исследования. 2005. № 3. С. 13–23.

[20] *Головнева Е.В.* Региональная идентичность как форма коллективной идентичности и ее структура // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 5.

[21] *Пименов В.В.* Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса. Ленинград, 1977; *Губогло М.Н.* Современные этноязыковые процессы в СССР. Основные факторы и тенденции развития национально-русского двуязычия. М., 1984.

[22] *Арутюнян Ю.В.* Социально-культурные аспекты развития и сближения наций в СССР. Программа, методика и перспективы исследований // Советская этнография. 1972. № 3. С. 3–19; *Губогло М.Н.* Современные этноязыковые процессы в СССР. Основные факторы и тенденции развития национально-русского двуязычия. М., 1984; его же. Контуры этнополитической социолингвистики // Междисциплинарные исследования в контексте социокультурной антропологии. М., 2004. С. 40–75.

[23] *Губогло М.Н.* Современные этноязыковые процессы в СССР. Основные факторы и тенденции развития национально-русского двуязычия. М., 1984. С. 27.

[24] *Губогло М.Н.* Сполохи прошлого – блики будущего. Автобиографические затеси. Т. 2. Кишинёв, 2013. С. 177; *Никогло Д.Е.* Восприятие Буджака в творчестве гагаузских и болгарских поэтов // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 10 / Под общ. ред. М.Н. Губогло. Москва. 2010. С. 283–299; *Федотова Л.В.* Природно-географическая и экологическая панорама Буджака – среда обитания гагаузов // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 2 / Под общей ред. М.Н. Губогло. М., 2007. С. 53–74.

[25] Перевод с гагаузского М.Н. Губогло.

[26] *Гамзатов Р.* Родной язык / Пер. с аварского Н.Гребнева // http://www/tsumada.ru/en/text/143

[27] Забытые страницы истории Южной Бессарабии (1856–1861) / Сост. И.Ф. Грек / Отв. ред П.М. Шорников. Кишинев, 2012. С. 14.

[28] *Никогло Д.Е.* Восприятие Буджака в творчестве гагаузских и болгарских поэтов // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 10 / Под общ. ред. М.Н. Губогло. М., 2010. С. 283.

[29] *Никогло Д.Е.* 2010. Восприятие Буджака. С. 286.

[30] Там же. С. 292–298.

[31] Цит. по: Литературная газета. 2015. 18–24 марта.

[32] Там же.

[33] *Губогло М.Н.* Страсти по доверию. Опыт этнополитического исследования референдума в Гагаузии. М., 2014; его же. Энергия доверия. Опыт этносоциологического исследования референдума в Крыму. Кишинев, 2014.

[34] *Губогло М.Н.* Русский язык в этнополитической истории гагаузов (Вторая половина XX в.). М., 2004.

[35] *Ангели Ф.А.* 2006. Гагаузская автономия. Люди и факты (1989–2005 гг.). Кишинев, 2006. С. 178.

[36] *Губогло М.Н.*, *Старченко Р.А.* Языковая жизнь и региональная идентичность крымчан – оплот антиукраинизации (Из опыта этносоциологических исследований в Крыму 2013 г.). М., 2014. С. 35.

[37] *Губогло М.Н.* Русский язык – национальное достояние народов России // Русский язык в странах СНГ и Балтии. М., 2007. С. 48–49.

[38] Пер. с гагаузского Н.В. Кондаковой. См.: *Губогло М.Н.* Сполохи прошлого – блики будущего. Т. 2. Кишинёв, 2013. С. 177, 178.

[39] *Романов А.А.* Дискурс справедливости в социальной коммуникации // http://tverlingua.ru.archive/011/1_2_11.htm

[40] См. 10 томов серии «Курсом развивающейся Молдовы» т. 1–10 / Под общей редакцией М.Н.Губогло. М., 2006–2010; *Сорочяну Е.С.* Лексика и символика гагаузской календарной обрядности // Курсом развивающейся Молдовы. Т.2 / Под общей редакцией М.Н.Губогло. М., 2007. С. 278–295; *Квилинкова Е.Н.* Традиционная культура гагаузов: этнорегиональные особенности. Кишинёв, 2007; она же. Семья и семейная обрядность гагаузов // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 2 / Под общей редакцией М.Н. Губогло. Кишинёв, 2010. С. 348–358.

[41] http://plesetsk-info.ru/uchebnoe/tekst-traditcionnoi-etnicheskoi-kultury-i-sovremennykh-kulturnykh/

[42] Пер. с гагаузского М.Н. Губогло. См.: *Губогло М.Н.* Сполохи прошлого – блики будущего. Т. 2. Кишинёв, 2013. С. 222.

[43] *Губогло М.Н.* Там же. С. 584–606.

[44] Перевод с гагаузского Н.В. Кондаковой. См.: *Губогло М.Н.* Сполохи прошлого. С. 171.

[45] *Губогло М.Н.* Страсти по доверию. С. 99.

[46] http://plesetsk-info.ru/uchebnoe/tekst-traditcionnoi-etnicheskoi-kultury-i-sovremennykh-kulturnykh/

[47] *Губогло М.Н.* Страсти по доверию. С. 99.

[48] *Маркарян Э.С.* Очерки теории культуры. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1969.

[49] *Губогло М.Н.* Этнокультурные данные о кочевом прошлом гагаузов // Археология, этнография и искусствоведение Молдавии. Кишинёв, 1968. С. 51–60.

[50] *Губогло М.Н.* Страсти по доверию. С. 99; его же. Развитие двуязычия в Молдавии. Кишинёв, 1979; его же. Именем языка. Очерки этнокультурной и этнополитической жизни гагаузов. М., 2006.

[51] *Малинова О.Ю.* Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Политические исследования. 2010. № 2. С. 92; *Абалмасова Н.Е., Паин Э.А.* Модели конструирования территориальной идентичности // gmu.hse.ru>data/12/11/26/1301605965/439_pdf

[52] http://www.demonscope.ru.weekly/2014/0597/anilit05.php

[53] Этническая мобилизация и межэтническая интеграция / Сост. и отв.ред. М.Н. Губогло. М., 1999.
[54] *Котляр Ф.* Маркетинг мест. СПб., 2005. С. 274; *Абалмасова Н.Е., Паин Э.А.* Указ. раб.
[55] ria.ru/interviev/201504417/ 105917/5632.html/
[56] http://www.actualitati.md/ru/vnutrennya-politika/psrm-reshila-podderzhat-kandidaturu-iriny-vlah-na-vyborah-bashkana-gagauzii
[57] ФОТО: http://vfokuse.md/news/index/php?newsid=7261
[58] http://www.kp.md/daily/26344/3227543
[59] point.md/ru/novosti/politika/formuzal58-vse-dolzhni-chyotko-ponimatj-58-gagauzi-ne-antievropejci
[60] point.md/ru/novosti/politika/moskovskaya-oblast-i-gagauziya-podpisali-soglashenie-o-sotrudnichestve
[61] http://vlah.md/index.php?newsid=173
[62] vzglead/politika/10081-vlah-posle-vstrechi-s-kandu-dumayn-chto-my-poluchim-podderzhku.html
[63] *Бобков Ф.Д.* КГБ и власть. М.: Изд-во «Ветеран МП», 1995 // http://www.nomad.su/ ?a=15=200212110022; http:// www.nomad.su/?a=15=200212110022
[64] *Грек И.Ф., Руссев Н.Д.* 1812 – поворотный год в истории Буджака и «задунайских переселенцев». Кишинёв, 2011. С. 5.
[65] *Кушко А., Таки В., Гром О.* Бессарабия в составе Российской империи. 1812–1917. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 19, 20.
[66] 57.md/index.php? newsid=652
[67] replica.md.yng/4319-v-gagauzii-provedut-alternativnuyu-perepis-naseleniya.html
[68] Там же.
[69] http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=70660
[70] Новые Конституции стран СНГ и Балтии. М., 1997. С. 312.
[71] http://enews.md/articles/view/4545
[72] Новые Конституции. М., С. 312.
[73] http:// http://argumenti.md/archives/3559
[74] *Семёнова Ю.* Молдаване теряют образование на русском языке. 2014 //www.russkiymir.ru/media/magazines/article/152379
[75] *Васильева Г.* В Молдове прикусили русский язык. 2014 // www.pan.md/news/v-moldove-prikusili-russkiy-yazik/4922
[76] www.echo.msk.ru/programs/linguafranca/1004846-echo
[77] http:// http://glodeni2.ru/publ/4-1-0-233
[78] http://argument.md.archives/3559
[79] *Стати В.Н.* От волохов к молдаванам. Молдавский язык // Молдаване / Отв. ред. М.Н. Губогло, В.А. Дергачёв. М., 2010. С. 95.
[80] Молдаване / Отв. ред. М.Н. Губогло, В.А. Дергачёв. М., 2010. С. 95.
[81] http://www.regnum.ru/news/ 1885921.html
[82] http://ava.md/projects/russian-in-moldova/020321-chego-hotyat-russkie-moldovi.html
[83] http://www.moldovanova.md/ru/ comments/show/3721
[84] Там же.
[85] *Суляк С.* Русская культура – многовековое достояние народов Молдавии // Русин. 2007. № 3(9). С. 9.
[86] http:// http://obzormd.com/2012/06/29/obshhestvennoe-televidenie-propagandiruet-rusofobiyu-moldova-bez-nacizma
[87] http:// http://www.gumilev-center.ru/natsionalnyie-menshinstva-moldavii-hotyat-uchastvovat-v-gosudarstvennom-upravlenii/
[88] *Васильева Г.* В Молдове прикусили русский язык. 2014. // www.pan.md/

news/v-moldove-prikusili-russkiy-yazik/4922

[89] *Стати В.Н.* История Молдовы. Кишинёв, 2003; *Стати В.* Молдаване. Историческое и этнополитическое исследование. Кишинёв, 2009; *Стати В.Н.* От волохов к молдаванам. Молдавский язык // Молдаване / Отв. ред. М.Н. Губогло, В.А. Дергачёв. М., 2010. С. 43–95.

[90] www.newsmoldova.md

[91] Там же.

[92] http:// http://www.gumilev-center.ru/natsionalnyie-menshinstva-moldavii-hotyat-uchastvovat-v-gosudarstvennom-upravlenii/

[93] *Васильева Г.* В Молдове прикусили русский язык. 2014. // www.pan.md/news/v-moldove-prikusili-russkiy-yazik/4922

[94] *Кушко А.*, *Таки В.*, *Гром О.* Бессарабия в составе Российской империи. 1812–1917. М.: Новое литературное обозрение. 2012. С. 285; *Гросул В.Я.* // Непризнанная республика. Т. 5 / Под ред. М.Н. Губогло. М., 1999.

[95] *Лысенко В.С.* Потребность в социально-персональной значимости – базовая потребность человека // Независимая газета. 2015. 11 февраля. С. 14.

[96] www.regnum/news/polit/1114947.html

[97] http:// http://totul.md/ru/newsitem/663299.html

[98] http://ukraina.ru/analytics/20140830/1010008333.html

[99] Там же.

[100] Там же.

[101] http://inosmi.ru/sngbaltia/20140110/216381912.html

[102] *Стати В.Н.* Этноязыковые процессы в Молдавской ССР в зарубежном обществоведении (опыт изучения): Автореф. М., 1990; *Стати В.Н.* Молдаване. Историческое и этнополитическое исследование. Кишинёв, 1990; *Шорников П.М.* Молдавская самобытность. Тирасполь, 2007; его же. Покушение на статус: этнополитические процессы в Молдавии в годы кризиса. 1988–1996. Кишинёв, 1997; его же: Поля падения. Историография молдавской этнополитики. Кишинёв, 2009; *Назария С.* Молдавский коллаборационизм в годы Второй мировой войны и сегодня. Выступление на международной конференции «Страницы истории Второй мировой войны. Коллаборационизм: причины и последствия. 29 апреля 2010 г. / http://www.liveinternet.ru/2503040/post126744944

[103] kozaostra.mybb.ru/viewtopic.php?id=2205

[104] *Кушко А.*, *Таки В.*, *Гром О.* Бессарабия в составе Российской империи. 1812–1917. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 39.

[105] *Бабилунга Н.В.* Территориальная идеентичность как фактор политической стабильности // Этническая мобилизация и межэтническая интеграция. М., 1999. С. 185–194; его же. Тайна приднестровского феномена // Феномен Приднестровья. Тирасполь, 2003. С. 177–188.

ПЕРЕЧЕНЬ РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В СЕРИИ

«ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ПРИКЛАДНОЙ И НЕОТЛОЖНОЙ ЭТНОЛОГИИ»

1990 г.

№1 *Арутюнов С.А., Анчабадзе Ю.Д.* О национальной ситуации на Северном Кавказе.

№2 *Брук С.И.* Немцы в СССР: современная ситуация.

№3 *Калиновская К.П., Марков Г.Е.* Национальная и межэтническая ситуация в области расселения ногайцев.

№4 *Соколова З.П.* Актуальные вопросы современного развития экономики и культуры хантов.

№5 *Арутюнов С.А., Смирнова Я.С., Сергеева Г.А.* Этнокультурная ситуация в Карачаево-Черкесской автономной области.

№6 *Тер-Саркисянц А.Е.* Донские армяне и этнокультурная ситуация в Ростовской области.

№7 *Васильев В.И.* Проблемы национального развития малочисленных народов Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области.

№8 *Иванова Ю.В.* Греческое население Грузии: современные межэтнические отношения.

№9 *Бушков В.И.* О некоторых аспектах межнациональных отношений в Таджикской ССР.

№10 *Брусина О.И.* О некоторых причинах межэтнического конфликта в Ошской области.

1991 г.

Серия А:

№11 *Сагнаева С.К.* Состояние и перспективы развития межэтнических отношений в г. Уральске Казахской ССР.

№12 *Тишков В.А.* Этничность и власть в СССР (этнополитический анализ республиканских органов власти).

№13 *Иванова Ю.И.* Этносоциальные проблемы греческого населения Грузии.

№14 *Кульчик Ю.Г., Румянцев С.И.* О развитии общественно-политической ситуации в ССР Молдова.

№15 *Брук С.И.* Народы СССР в стране и за рубежом.

№16 *Гурвич И.С., Батьянова Е.П.* Современное развитие межнациональных отношений в Чукотском автономном округе.

№17 *Осипов А.Г.* Межнациональные отношения в Краснодарском крае (в связи с проблемой беженцев).

№18 *Жорницкая М.Я.* Национальная ситуация в Тувинской АССР и Хакасской АО (май–июнь 1990 г.).

№19 *Остроух И.Г., Шервуд Е.А.* Меннониты Оренбургской области.

№20 *Брусина О.И., Осипов А.Г.* К вопросу о состоянии межэтнических отношений в Узбекской ССР.

№21 *Григорьева Р.А.* Некоторые особенности этнокультурных процессов в Восточной Латвии (Латгале).

№22 *Емельянов В.М.* Основные этапы этнополитической эволюции польской национальной группы в Литве в 1990 г.

№23 *Кузнецов А.И., Миссонова Л.И.* Ороки Сахалина: проблемы современного развития.

№24 *Абашин С.Н., Бушков В.И.* Социальная напряженность и межнациональные конфликты в северных районах Таджикистана.

№25 *Молчанов М.А.* Этнополитические предпосылки объявления независимости Украины.

Серия Б:

№1 *Кашуба М.С., Мартынова М.Ю.* Государственная политика и современные национальные отношения в Югославии.

№2 *Крюков М.В.* Политика национальной автономии в Китае.

№3 *Стельмах В.Г.* Самоуправление индейских резерваций в США.

№4 *Кожановский А.Н.* Испания: этничность и регионализм.

1992 г.

Серия А:

№26 *Бушков В.И., Микульский Д.В.* Общественно-политическая ситуация в Таджикистане: январь 1992 г.

№27 *Шинкевич С., Заринов И.Ю.* Поляки Российской империи и СССР: историческая справка и характеристика современной ситуации.

№28 *Сагнаева С.К.* Российское казачество.

№29 *Островидова Е.Ю.* Трансформация СССР: Предпосылки и перспективы суверенизации бывших союзных республик.

№30 *Тер-Саркисянц А.Е.* Современная этнополитическая ситуация в Краснодарском крае Российской Федерации.

№31 *Сатвалдыев А.Н.* К характеристике религиозной ситуации в Шахимардане (Узбекистан).

№32 *Губогло М.Н.* Изменение этнодемографической ситуации в столицах союзных республик в 1959–1989 гг. (по материалам переписей населения СССР).

№33 *Губогло М.Н.* Развитие этнодемографической ситуации в столицах автономных республик в 1959–1989 гг. (по материалам переписей населения СССР).

№34 *Гузенкова Т.С.* Межэтническая ситуация в Калмыкии.

Серия Б:

№5 *Празаускас А.А.* Индия: национальная политика и федерализм.

№6 *Соколова И.В.* Политика официального индеанизма в Мексике (идеология и практика).

1993 г.

№35 *Кузнецов А.И., Миссонова Л.И.* Этносоциальное положение эвенов в Эвено-Бытантайском национальном районе Якутии.

№36 *Малькова В.К.* Проблемы русской диаспоры в ближнем российском зарубежье (по материалам прессы).

№37 *Москаленко Н.П.* Этнополитическая ситуация в республике Тува (1992 г.).

№38 *Бутанаев В.Я.* Этнополитические и этнокультурные процессы в республике Хакасия.

№39 *Батьянова Е.П.* К этнополитической ситуации в Кемеровской области.

№40 *Бушков В.И., Микульский Д.В.* Таджикистан: Что происходит в республике?

№41 *Малькова В.К.* Пресса о современной этнической ситуации в Татарстане.

№42 *Буяхаев С.С.* Этнополитическая и этнокультурная ситуация в республике Бурятия.

№43 *Шнирельман В.А.* Бикинские удэгейцы: политика и экология.

№44 Ногайцы сегодня. [*Калиновская К.П., Марков Г.Е.* Поиски решения проблем в Ногайской степи. *Викторин В.М.* Астраханские ногайцы.

№45 *Бабич И.Л.* Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии.

№46 *Кыдыева В.Я.* К этнополитической и этнокультурной ситуации в Республике Алтай.

№47 *Пчелинцева Н.Д., Самарина Л.В.* Современная этнополитическая и этнокультурная ситуация в Республике Адыгея.

№48 *Смирнова Я.С.* Карачаево-Черкесия: этнополитическая и этнокультурная ситуация.

№49 Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе.

№50 Современная общественно-политическая ситуация в Средней Азии и Казахстане.

№51 *Тишков В.А.* Русские в Средней Азии и Казахстане.

№52 *Тишков В.А.* Русские как меньшинства (пример Эстонии).

№53 *Лопуленко Н.А.* Правовой статус и самоуправление у аборигенов Аляски.

№54 *Васильев В.И., Малиновская С.М.* Концепция национально-политического, экономического и культурного развития малочисленных народов Севера Томской области.

1994 г.

№55 *Тер-Саркисянц А.Е.* Межнациональные отношения в Краснодарском крае (1993 г.) (основные тенденции развития).

№56 *Жуковская Н.Л.* Республика Бурятия: Этнорелигиозная ситуация (1991–1993 гг.).

№57 *Червонная С.М.* Крымско-татарское национальное движение (1991–1993 гг.).

№58 *Таболина Т.В.* Панорама современного казачества: Истоки, контуры, типологизация.

№59 *Филиппов В.Р.* Этнополитическая ситуация в Чувашии (1988–1993 гг.).

№60 *Григорьева Р.А., Мартынова М.Ю.* Этнокультурная ситуация в Беларуси: история, языки, политика.

№61 *Иванов А.М.* Этнополитическая ситуация в Республике Саха (Якутия).

№62 *Столярова Г.Р.* Этнополитическая ситуация в Республике Татарстан.

№63 *Шаров В.Д.* Этнополитическая ситуация в Республике Марий Эл.

№64 *Бирин В.Н.* Этнополитическая ситуация в Карелии накануне выборов в Федеральное собрание.

№65 *Гучинова Э.-Б.М., Таванец С.Д.* Этнополитическая ситуация в Калмыкии.

№66 *Восходов И.И., Комарова Г.А.* Предвыборная ситуация в Чувашской Республике (осень–зима 1993 г.).

№67 *Шабаев Ю.П., Рогачев М.Б., Котов О.В.* Этнополитическая ситуация на территории проживания народов Коми.

№68 *Аккиева С.И.* Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарской республике.

№69 *Абаева Л.Л., Крянев Б.П.* Социально-политологический анализ выборов в Республике Бурятия (сентябрь, 1994 г.).

№70 *Хаджибиеков Р., Полякова Т.* Этнополитическая ситуация в Адыгее.

№71 *Зыков Ф.М.* Этнополитическая ситуация в Республике Саха до и после выборов 12 декабря 1993 г.

№72 *Кисриев Э.Ф.* Этнополитическая ситуация в Республике Дагестан.

№73 *Куликов К.И., Христолюбова Л.С.* Этнополитическая ситуация в Удмуртской республике в 1993г.

№74 *Кужугет А., Татаринцева М.* Этнополитическая ситуация в Республике Тыва накануне и после выборов в Федеральное собрание России в 1993 г.

№75 *Зубков А.А., Маресьев В.В.* Демографические процессы, этническая и социально-политическая структура Мордовии.

№76 *Гостиева Л.К., Дзадзиев А.Б.* Этнополитическая ситуация в Северной Осетии.

№77 *Губогло М.Н.* Башкортостан и Татарстан. Параллели этнополитического развития. Очерк I. Плоды суверенизации.

№78 *Губогло М.Н.* Башкортостан и Татарстан. Параллели этнополитического развития. Очерк II. Ростки демократизации.

№79 *Губогло М.Н.* Башкортостан и Татарстан. Параллели этнополитического развития. Очерк III. Урожай дезинтеграции.

№80 *Губогло М.Н.* Башкортостан и Татарстан. Параллели этнополитического развития. Очерк IV. Всходы реинтеграции.

1995 г.

№81 *Дубова Н.А., Комарова О.Д., Ямсков А.Н.* Факторы формирования межэтнических отношений в среде сельского населения южных районов Пермской области.

№82 *Иванова Ю.В.* Проблемы межэтнических взаимоотношений в Северном Приазовье и Крыму: история и современное состояние.

№83 *Ильин В.И.* Республика Коми: этнос и политика.

№84 *Мартынова М.Ю.* Война на Балканах: истоки и реалии (1991–1994 гг.).

№85 *Здравомыслов А.Г., Матвеева С.Я.* Межнациональные конфликты в России и постсоветском пространстве.

№86 *Рубан Л.С.* Развитие конфликтной ситуации в Астраханской области.

№87 *Дубова Н.А., Лопуленко Н.А.* Современные этносоциальные проблемы Кизеловского района Пермской области.

№88 *Смольникова Н.В.* Немцы Поволжья: современные этнополитические проблемы.

№89 *Пчелинцева Н.Д., Самарина Л.В.* Карачай в контексте новой исторической реальности.

№90 *Кульчик Ю.Г.* Республика Узбекистан в середине 90-х годов.

№91 *Мартынова М.Ю.* Национальные меньшинства в странах Восточной Европы в 90-е годы. Поиск мирных решений.

1996 г.

№92 *Исхакова С.М., Валеев Ф.-Т.А.* Сибирские татары: Этнокультурные и политические проблемы возрождения.

№93 *Михайлов С.С.* Положение ассирийцев – вынужденных переселенцев в Краснодарском крае.

№94 Этнический фактор в современном социально-политическом развитии Казахстана. / *Брусина О.И.* Национальная государственность и «русский вопрос» в Казахстане; *Митина Д.А.* Миграционные процессы и тенденции этносоциального развития в Казахстане/.

№95 *Малькова В.К.* Русское население в российских республиках.

№96 *Ямсков А.Н.* Территории традиционного землепользования в Хабаровском крае.

№97 *Лопуленко Н.А.* Американский опыт урегулирования проблем коренного населения.

№98 *Остапенко Л.В., Субботина И.А.* Русские в Молдавии: проблемы занятости и миграции.

№99 *Каган, Микаэлла.* Еврейская эмиграция из бывшего СССР в США.

№100 *Тишков В.А.* Концептуальная эволюция национальной политики в России.

1997 г.

№101 *Червонная С.М.* Крымско-татарское национальное движение (1994–1996).

№102 *Дерябин В.С.* Коми-пермяки сегодня: особенности этнокультурного развития.

№103 *Малькова В.К.* Республиканская пресса России – новая этнонациональная идеология.

№104 *Жуковская Н.Л.* Возрождение буддизма в Бурятии: проблемы и перспективы.

№105 *Аринин А.Н.* Российская государственность и проблемы федерализма.

№106 *Шабаев Ю.П., Пешкова В.М.* Русские в республике Коми.

№107 *Ямсков А.Н.* Русское население в полиэтничных районах Закавказья, Сибири и Урала.

№108 *Поляков С.П., Бушков В.И.* Социально-экономическая ситуация в северокавказском регионе.

№109 *Таболина Т.В.* Казачество на рубеже XXI века: проблемы и возможности.

№110 *Юраш А.В.* Религиозные организации современной Украины.

1998 г.

№111 *Малькова В.К., Остапенко Л.В., Субботина И.А.* Москва многонациональная: конфликт или согласие? (По данным опроса московских школьников).

№112 *Симченко Ю.Б.* Народы Севера России. Проблемы. Прогноз. Рекомендации.

№113 *Червонная С.М.* Крым-97: Курултай против раскола.

№114 *Шнирельман В.А.* Неоязычество и национализм. Восточно-Европейский ареал.

№115 *Малькова В.К.* Москва многонациональная: конфликт или согласие? II. Анализ московской прессы.

№116 *Сирина А.* Современные проблемы малых народов Севера Магаданской области.

№117 *Смольникова Н.В.* Немцы Волгоградской области: Этнокультурная и этнополитическая ситуация в 1995–1997 гг.

№118 *Балалаева О., Уигет Э.* Биосферный резерват как форма сохранения этнической культуры (на примере юганских хантов).

№119 *Дубова Н.А., Лопуленко Н.А., Мартынова М.Ю.* Калининградская область: Современные этнокультурные процессы.

№120 *Абашин С.Н., Бушков В.И.* Таджикистан: некоторые последствия трагических лет.

1999 г.

№121 *Рыжакова С.И.* Dievturiba. Латышское неоязычество и истоки национализма.
№122 *Комарова Г.А.* Люди и радиация: этнокультурные аспекты экологического бедствия на Южном Урале.
№123 *Шнирельман В.А.* Формирование этничности: тлингиты юго-восточной Аляски в конце XX в.
№124 *Кашуба М.С.* Рост национализма в условиях конфликта (пример автономного края Косова и Метохии – Союзная Республика Югославия).
№125 *Козлов С.Я.* Евреи Москвы в 90-е годы XX века: Действительно ли происходит религиозный ренессанс?
№126 *Сирина А.А.* Родовые общины малочисленных народов Севера в Республике Саха (Якутия): шаг к самоопределению?
№127 *Акаев В.Х.* Суфизм и ваххабизм на Северном Кавказе.
№128 *Иванова Ю.В.* Косовский кризис. Этнические аспекты проблемы.
№129 *Червонная С.М.* Карачаево-Черкесия – 1999: Выборы главы республики.
№130 *Мартынова Е.П., Пивнева Е.А.* Современное природопользование таежного населения Нижнего Приобья.

2000 г.

№131 *Бабич И.Л.* Правовой плюрализм на Северо-Западном Кавказе.
№132 Перепись – 2002: проблемы и суждения.
№133 *Бабич И.Л.* Правовой монизм в Северной Осетии: история и современность.
№134 *Ярлыкапов А.А.* Проблема ваххабизма на Северном Кавказе.
№135 *Заурбекова Г.В.* Сепаратизм в Чечне.
№136 *Рыжакова С.И.* Ромува. Этническая религиозность в Литве.
№137 *Козлов С.Я.* Иудаизм в современной России: Основные структуры и направления.
№138 Города Подмосковья: Этнодемографические и гендерные проблемы.

2001 г.

№139 *Зенько М.А.* Современный Ямал: этноэкологические и этносоциальные проблемы.
№140 *Воробьев Д.В.* Жизнеобеспечение и адаптивная стратегия эвенков в конце XX века (север Туруханского района Красноярского края).
№141 *Клоков К.Б., Красовская Т.М., Ямсков А.Н.* Проблемы перехода к устойчивому развитию районов расселения коренных народов российской Арктики.
№142 *Малькова В.К.* Москва многонациональная: конфликт или согласие? III. Русские москвичи и иноэтничные мигранты: Взгляд друг на друга.
№143 *Рыжакова С.И.* Ливы: Опыт возрождения почти исчезнувшего народа.
№144 *Матвеев В.А.* «Украина от Карпат до Кавказских гор!»...? Полемические заметки по поводу одного из современных геополитических проектов.
№145 *Степанов В.В.* Российская перепись 2002 года: пути измерения идентичности больших и малых групп.

2002 г.

№146 *Матвеев В.А.* Сепаратизм на Северном Кавказе: Границы явления на рубеже XIX–XX веков.
№147 *Матвеев В.А.* Исторический опыт противостояния сепаратизму на Северном Кавказе и современность.
№148 *Ситнянский Г.Ю.* Тринадцатый миф о Центральной Азии.
№149 *Силантьев Р.А.* Этнический аспект раскола исламского сообщества России.
№150 *Губогло М.Н.* Мобильность и мобилизация.
№151 *Смирнова С.К.* Права народов в мультиэтничном государстве: Путь России.
№152 *Сирина А.А.* Народы Севера Иркутской области.
№153 *Юраков А.В.* Ресурсы межэтнической толерантности в Башкортостане.
№154 *Смирнова С.К.* Современные социально-экономические процессы в Удмуртии.
№155 *Осипов А.Г.* Идеология «миграционной политики» как элемент конструирования этнической конфликтности (на примере Краснодарского и Ставропольского краев).
№156 *Смирнова С.К.* Современные этносоциальные процессы в Удмуртии.
№157 *Смирнова С.К.* Современные этнополитические процессы в Удмуртии.
№158 *Бабич И.Л.* Основные тенденции постсоветской этнокультурной политики в Республике Алтай.
№159 *Димаева Ф.В.* Ислам в современной Чеченской республике.

2003 г.

№160 *Ситнянский Г.Ю.* Русские в СНГ – «здесь» или «там»: По поводу нового закона «О гражданстве Российской Федерации».
№161 *Тишков В.А.* Историко-антропологический анализ переписи населения.
№162 *Миссонова Л.И.* Остров Сахалин: Современные проблемы жизнедеятельности уйльта (ороченов).
№163 *Заурбекова Г.В.* Ваххабизм в Чечне.
№164 *Аксянова Г.А., Давыдова С.С.* Этнические стереотипы и ценностные ориентации московских школьников (на примере русских и армян).
№165 *Анайбан З.В.* Хакасия в постсоветский период (проблемы адаптации к социально-экономическим преобразованиям).
№166 *Устинова М.Я.* Гражданское общество в Латвийской Республике (1980-е гг. – начало XXI в.).

2004 г.

№167 *Харитонова В.И.* Религиозный фактор в современной жизни народов Севера и Сибири.
№168 *Шлыгина Н.В.* Финны-репатрианты из бывшего Советского Союза на исторической родине.
№169 *Фаис О.Д.* Обычное право в современной Сардинии (по материалам экспедиции).
№170 *Лопуленко Н.А.* Опыт автономии в Канадской Арктике – Нунавут.
№171 *Наумова О.Б.* Казахские животноводы в конце XX века (взгляд антрополога).
№172 *Найденова Е.А.* Поликультурное образование как средство воспитания межэтнической толерантности.
№173 *Ториев Б.Х.* Республика Ингушетия в статистике и экспертных оценках (апрель–май 2003 г.).
№174 *Губогло М.Н., Дубова Н.А.* Социально-адаптивная и этноразрушительная энергия гастарбайтерства.
№175 *Субботина И.А.* Молдавия: Этнические модели адаптации к условиям трансформирующегося общества.

2005 г.

№176 *Пастухов В., Рассел Д., Тишков В., Хопман Д., Шенфилд С.* После Беслана: Дискуссия российских и американских экспертов.
№177 *Грачёв С.В., Мартыненко А.В., Шилов Н.В.* Православное христианство и ислам в Мордовии: Проблемы межкультурного диалога.
№178 *Каландаров Т.С.* Памирские мигранты-исмаилиты в России.
№179 *Питерская Е.* Современные этносоциальные исследования в Канадской и Американской Арктике.
№180 *Субботина И.А.* Гагаузы: трансформация расселения и современные миграционные процессы.
№181 *Мартынова Е.П., Пивнева Е.А.* Коренные народы Обского Севера: Современное положение. Опыт адаптации.
№182 *Олимова С., Олимов М.* Трудовая миграция в Афганистане.
№183 Финно-угорские народы России: Общее положение, проблемы и решения.

2006 г.

№184 *Дубова Н.А., Ямсков А.Н.* Демографическая ситуация в абхазских долгожительских селениях.
№185 *Мартынова М.Ю.* Сербия–Черногория–Косово: одно государство или три?
№186 *Сирина А.А., Фондал Г.А.* Эвенки Северного Прибайкалья и проект строительства нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан».
№187 *Новикова Н.И.* Рынок труда и занятость коренных малочисленных народов Севера России: Ханты-Мансийский автономный округ и Сахалинская область.

№188 *Александренков Э.Г.* Индихенизм в Латинской Америке (политика и наука о коренных обитателях).
№189 *Новикова Н.И., Якель Ю.Я.* Судебная защита права на традиционное природопользование: Антропологоправовые аспекты.
№190 *Остапенко Л.В.* Технологии адаптации к постсоветским реалиям. Русские предприниматели в новом зарубежье.
№191 *Анайбан З.В.* Население Южной Сибири в эпоху перемен: Адаптация к новым условиям жизни.
№192 *Рыжакова С.И.* Латышский язык: исторические преобразования и социокультурные аспекты бытования.

2007 г.

№193 *Череватенко В.И.* Трансформация гендерных стереотипов в чеченском обществе в период вооруженного конфликта.
№194 *Козлов С.Я.* Московские евреи: реалии этнокультурного возрождения (конец XX– начало XXI в.).
№195 *Устинова М.Я.* Латвийская Республика после вступления в Евросоюз: новые вызовы.
№196 *Тишков В.А., Шабаев Ю.П.* Финно-угорская проблема: Ответ Евросоюзу.
№197 *Александренков Э.А.* Аборигены Колумбии и государство.
№198 *Ситнянский Г.* Отношения Юга и Севера Киргизии: История и современность.
№199 *Банаева М.Г.* Бурятская община Москвы.

2008 г.

№200 *Тишков В.А.* 20 лет спустя: Опыт переосмысления теории и практики межнациональных отношений.
№201 *Малькова В.К.* Образы многонационального города в современной столичной прессе.
№202 *Брусина Н.И.* Ставропольские туркмены. Этнокультурное развитие, социальные обычаи, процессы адаптации и интеграции.
№203 *Тер-Саркисянц А.Е.* Современная политическая и этнокультурная ситуация в Нагорном Карабахе.
№204 *Мартынова М.Ю.* Косовский узел: этнический фактор.
№205 *Сирина А.А., Жуковская Н.Л., Инешин Е.М., Рагулина М.В., Тюхтенева С.П.* Газ на экспорт: Этнокультурные проблемы транспортировки.
№206 *Чубарова В.В.* Стереотип поляка в польском и русском восприятии: опыт антропологического исследования.
№207 *Харитонова В.И., Ожиганова А.А., Купряшина Н.А.* В поисках духовности и здоровья (новые религиозные движения, неошаманизм, городской шаманизм).
№208 *Бабич И.Л.* Духовные ценности и проблемы формирования новой идеологии у народов Северного Кавказа.

2009 г.

№209 *Локшин А.Е.* История российских евреев в школьных учебниках РФ.
№210 *Морозов Д.Ю.* Североафриканская иммиграция во Франции.
№211 *Тер-Саркисянц А.Е.* Адаптация армян к новым условиям постсоветского времени
№212 *Кожановский А.Н., Любарт М.К.* Проблемы западноевропейской иммиграции на примере Франции и Испании.
№213 *Бабич И.Л.* Культура шапсугов Причерноморья и проблема сохранения идентичности в XXI в.
№214 *Эпштейн А.Д.* В плену прошлого: Генезис коллективной памяти как фактор эскалации Палестино-Израильского конфликта.
№215 *Бабич И.Л., Родионова О.В.* Теория и практика мультикультурализма.

2010 г.

№216 *Данилко Е.С.* Маленький провинциальный город в современной России.
№217 *Новикова Н.И., Степанов В.В.* Индикаторы качества жизни коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области.
№218 Европейская языковая Хартия и Россия.
№219 *Заурбекова Г.В.* Технология манипулирования этнополитическим конфликтом в Чеченской республике (1991–1999 гг.).
№220 *Опарин Д.А., Уманская А.И.* Проблемы природопользования саамов Кольского полуострова и инуитов Восточно-Канадской Арктики (Нунавут).
№221 *Шлыгина Н.В.* Традиционные меньшинства Финляндии: формирование и современный статус.
№222 *Зотова Н.А.* Узбекские общины в России: новые диаспоры (на примере Санкт-Петербурга, Астрахани и Красноярска).
№223 *Миссонова Л.И.* Этническая идентификация населения Сахалина: от переписи А.П. Чехова 1890 г. до переписей XXI-го века.

2011 г.

№224 *Устинова М.Я.* Неграждане Латвии: статус и перспективы интеграции.
№225 *Зорин В.Ю.* Государственная национальная политика в России и современность.
№226 *Матвеев В.А.* «Черкесский вопрос»: современные интерпретации и реалии эпохи.
№227 *Анайбан З.В.* Межэтническая ситуация и этнополитические процессы в постсоветской Туве.

2012 г.

№228 *Лопуленко Н.А.* «Исследования по прикладной и неотложной этнологии» (1990–2011 гг.): аналитический обзор.
№229 *Комарова Г.А.* Академическая жизнь: поле междисциплинарных научных исследований.
№ 230/231 Социокультурные последствия Чернобыльской аварии.
№ 232 *Устинова М.Я.* Основные проблемы применения в Латвии Рамочной конвенция о защите национальных меньшинств.
№ 233 *Малькова В.К.* Полиэтничная Москва 2011–2012 гг.: «тревожные звонки в информационном пространстве.

2013 г.

№ 234 *Мартынова М.Ю.* Школьное образование и идентичность. Отечественные и зарубежные концептуальные педагогические подходы к национальной (общегосударственной) интеграции и культурному многообразию общества.

2014 г.

№ 235 *Малькова В.К.* Новое этнопространство современной Москвы.
№ 236 *Зорин В.Ю., Астваацатурова М.А.* Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: формирование общероссийской гражданской идентичности и укрепление духовной общности российской нации.
№ 237 *Белова Н.А.* Молодежь русской провинции (на примере города Нерехты Костромской области).
№ 238 *Гаер Е.А., Батьянова Е.П., Шпинев В.Н.* Коренные малочисленные народы Нижнего Амура в постперестроечной действительности (по материалам этнографической экспедиции в Хабаровский край в августе – сентябре 2012 года).
№ 239 *Губогло М.Н., Старченко Р.А.* Языковая жизнь и региональная идентичность крымчан – оплот антиукраинизаци (из опыта этнооциологических исследований в Крыму 2013 г.).
№ 240 *Остапенко Л.В., Субботина И.А.* Армянская диаспора в России: социально-демографические характеристики (вторая половина XX – начало XXI вв.)

2015 г.

№ 241 *Губогло М.Н.* Симбиоз этнической и региональной идентичности.
№ 242 *Тишков В.А.* Ярость благородная… Великая победа и советский народ (антропологический подход).

Подписано к печати 2.07.2015 Тир. 100 экз. Печ. л. 4,5 Заказ № 62

Участок множительной техники ИЭА РАН, Ленинский пр., 32 А.

Губогло Михаил Николаевич - Заведующий ЦИМО ИЭА РАН. Сфера научных интересов: этносоциология, этнополитология, тюркология, социолингвистика. Автор более 500 публикаций, в том числе 22 индивидуальные или написанные в соавторстве книги. Среди них: «Антропология повседневности». М., 2013. 752 с.; Гагаузы в мире и мир гагаузов. Том 1 - 756 с., Том 2 - 1012 с. Кишинев,. 2012. Автор идеи, основных разделов, составитель и редактор.

Guboglo Mihail Nikolaevich - Head of the Centre for the Study of Inter-ethnic Relations IEA RAS. Scientific interests: ethnosociology, ethnopolitology, turkology, sociolinguistics. The author more than 500 publications, including 22 individual or co-wrote the book. «Anthropo-logy of everyday life». M. 2013. 752 p.; Gagauz people in the world and the Gagauze's world. Vol. 1 - 756 p., Vol. 2 - 1012 p. Kishinev, 2012. The author of the idea, main sections, compiler and editor.

ISBN 978-5-4211-0130-7
9 785421 101307